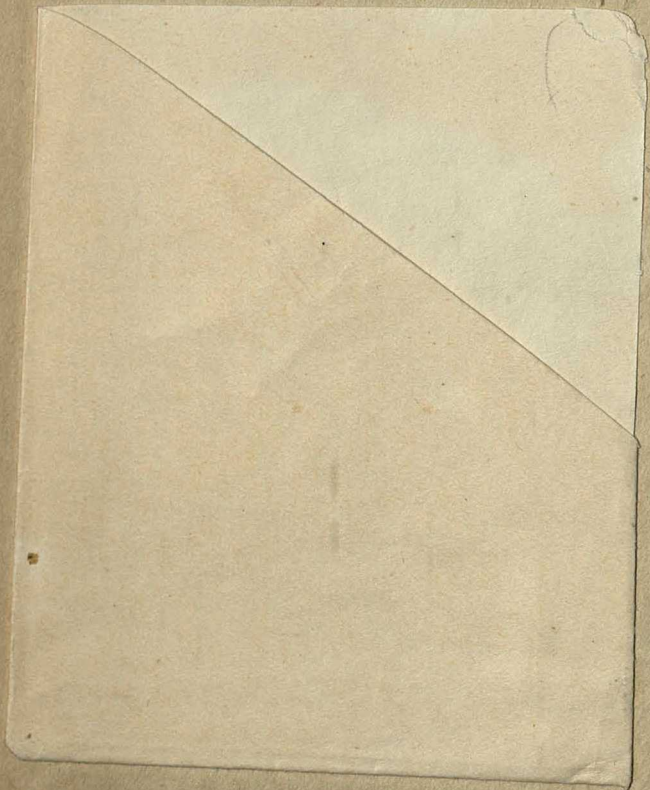

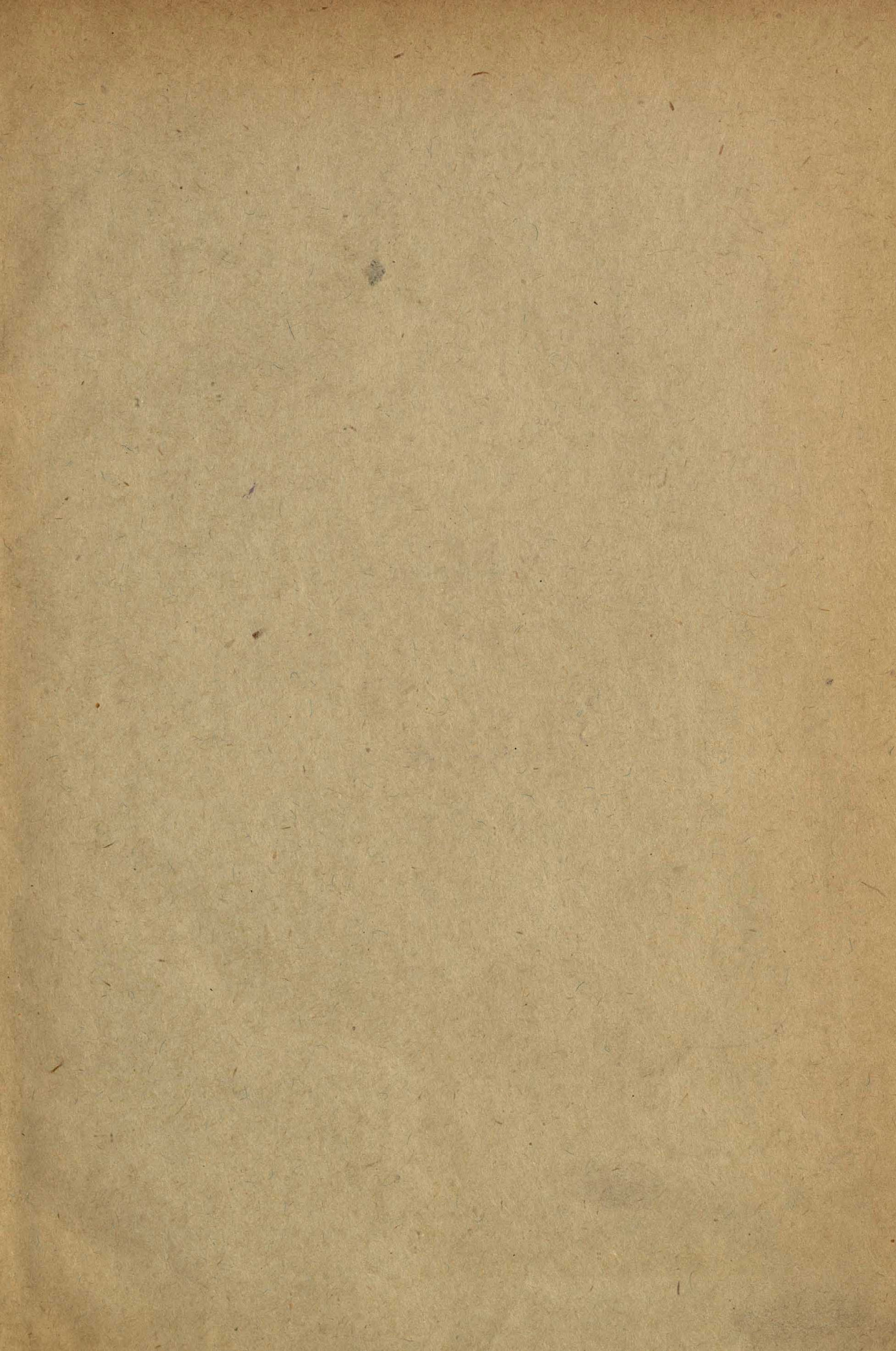
XVI 45
— 10

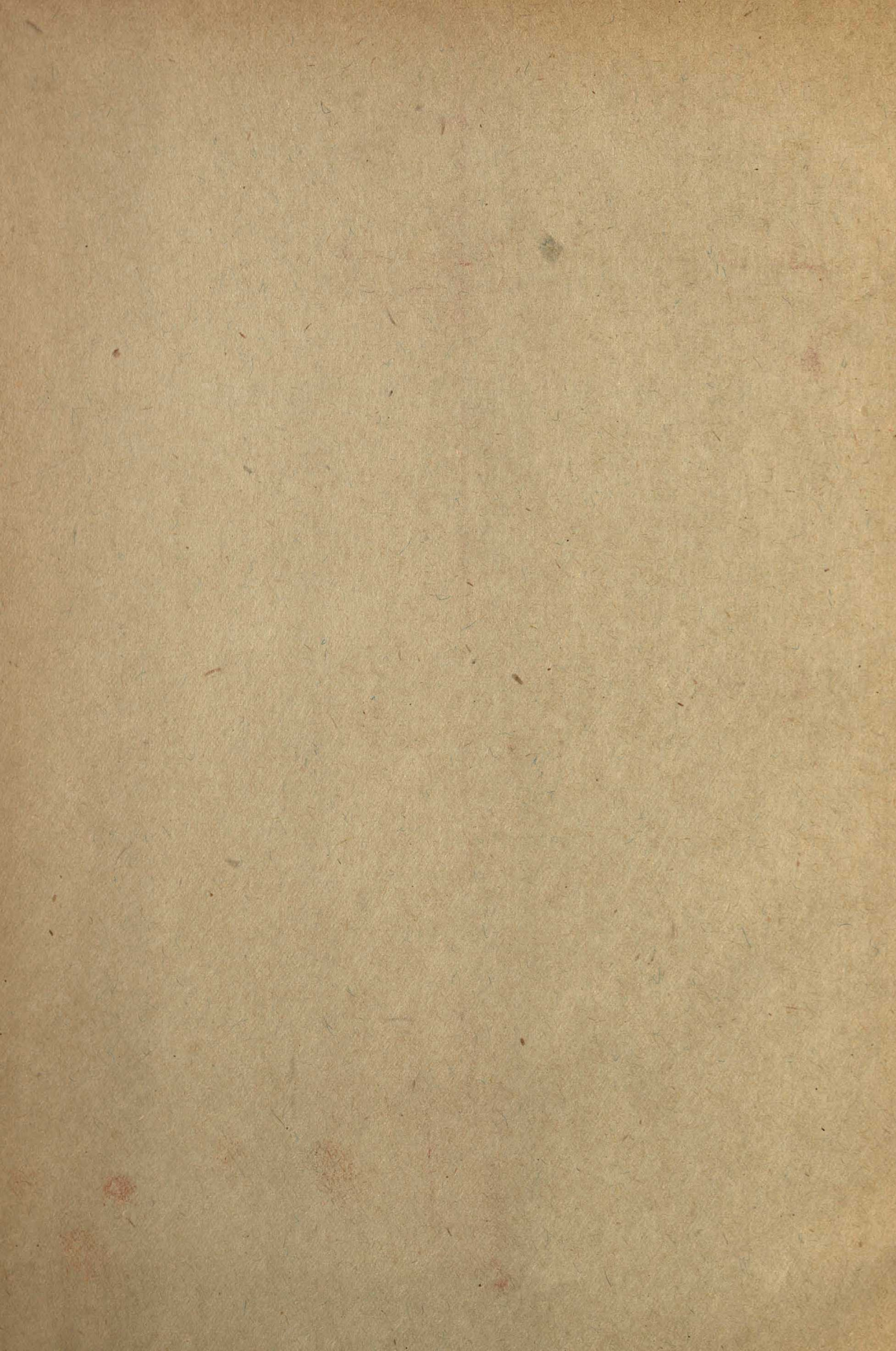
r. 7

1913-1914

XI-XII ~ 1-12

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущень къ выпискѣ въ ученическія
библіотеки городскихъ училищъ.

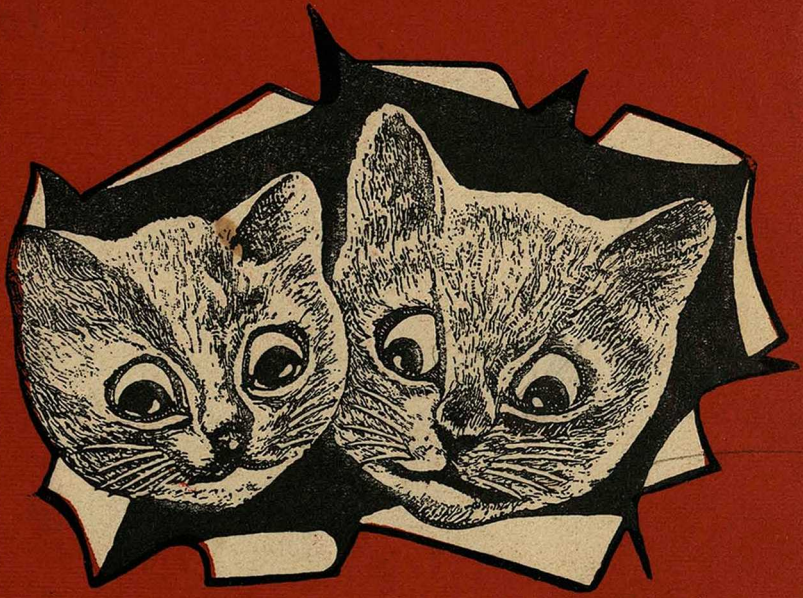
XVI $\frac{45}{10}$

Годъ изданія седьмой.

НОЯБРЬ.

№ 1. — 24

1913. / 1914.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

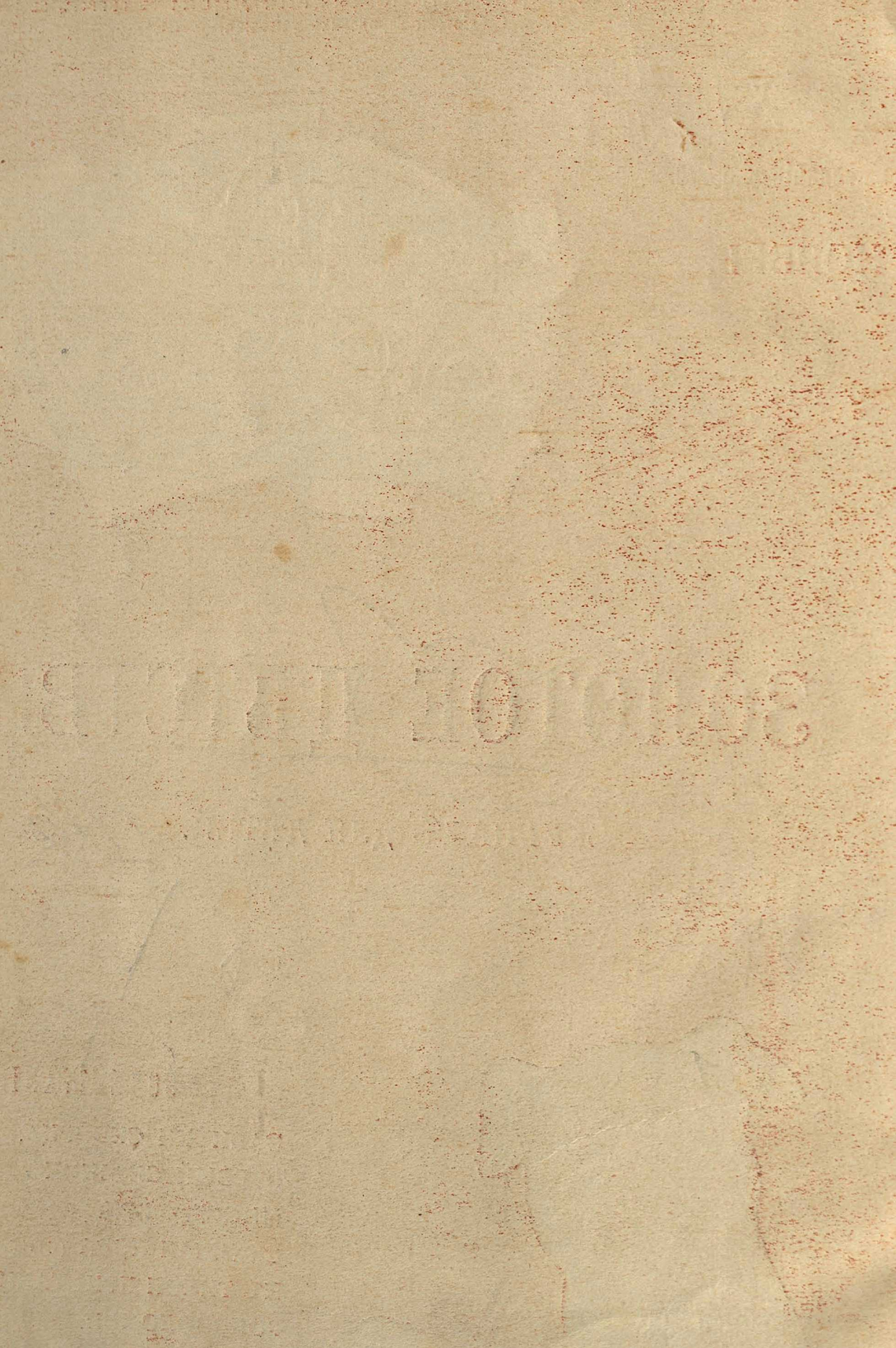
1914

СОДЕРЖАНІЕ:

ЗАПИСКИ СКВОРЦА.
ПЕРВЫЙ СНѢЖОКЪ (стих.).
МИССЪ МЕРИ.
СКУЧНАЯ ПОРА (стих.).
КЪ ТИХОИ ПРИСТАНИ (повѣст.)
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЯ:

В. М. В. обл. штат. с. М., 3-4, 7 Верх. обл. Книга имеет.

В. М. В. обл. штат. с. М., 3-4, 7 Верх. обл. Книга имеет.

Печатных листов	Выпуск	В переплетн. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №	Наклад и исписка	
	12	1913/1914 2. изд. 4ч. шт-12				1791	98 221	

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Первый разговоръ.

ЗАПИСКИ СКВОРЦА.

Мать сказала мнѣ, что я родился совсѣмъ голымъ, съ большимъ желтымъ носомъ, и что когда я сталъ подростать, то прежде всего у меня появились перья на хвостѣ и на кончикахъ крыльевъ.

— Ты тогда былъ такой смѣшной, говорила мать,—точно чловѣкъ во фракѣ!

Насъ было въ скворешнѣ всего пять братьевъ и сестеръ. Всѣ мы лежали на куриныхъ перьяхъ, которыми было выстлано наше гнѣздо, и, какъ я помню, всегда хотѣли ѣсть. Отецъ и мать то и дѣло улетали для насъ за кормомъ и возвращались то съ мушкой, то съ козявкой, то съ жукомъ. Кормили они насъ по очереди, хотя всѣ мы одновременно разѣвали рты и кричали:—

— Мнѣ! Мнѣ! Я хочу ѣсть больше всѣхъ!

Наши родители просто выбивались изъ силъ. Одинъ разъ отецъ за день такъ усталъ, что сѣлъ на скворешникъ и опустилъ крылья.

— Уфъ! сказалъ онъ.—Больше не могу! Шутка-ли сказать? Вы сѣли за день около четырехсотъ однихъ только крупныхъ насѣкомыхъ и три тысячи двѣсти комаровъ и мухъ! Поди-ка, налови ихъ!

Какъ только мы оперились, то родители безъ церемоніи вытолкали насъ изъ скворешни, поучи-

ли насъ 4 дня летать и прогнали вонъ.

— Летите! сказали они.—Теперь вы сами можете добывать себѣ кормъ!

Мы соединились въ стайку съ другими молодыми скворцами и вылетѣли въ поле. Тамъ мы ходили по травѣ и по пашнѣ, собирали насѣкомыхъ и червей, тучей возвращались въ усадьбу и ночевали въ вѣтвяхъ деревьевъ. А затѣмъ наступилъ августъ. Стало холодно, пошли дожди. Мы стали зябнуть. Мокрые, некрасивые, мы бродили по полю и отыскивали кормъ, когда вдругъ прилетѣлъ къ намъ какой-то черный, старый скворецъ и крикнулъ:—

— Эй, вы, бѣлобрысые! Чего вы тутъ разсѣлись! Летите скорѣе вонъ къ тому лѣсу! Мы всѣ тамъ уже собрались! Вѣдь скоро перелетъ!

Мы поднялись и полетѣли къ лѣсу. Тамъ мы увидали цѣлую стаю и старыхъ и молодыхъ скворцовъ, которые щебетали, суетились, передразнивали другъ друга и выбирали себѣ вожака. Ста-раго скворца не трудно было отличить отъ молодого, потому что молодой свѣтлѣе окрашенъ. Конечно, вожакомъ былъ выбранъ самый старый. Онъ собралъ насъ всѣхъ въ стаю, скомандовалъ, мы поднялись и полетѣли. Подъ нами по-

тянулись луга, лѣса, рѣки, деревни и города, но мы спускались на землю лишь передъ наступленіемъ ночи, отдыхали въ вѣтвяхъ деревьевъ или прямо на землѣ и съ наступленіемъ разсвѣта снова отправлялись въ путь. Насъ пересаживали ласточки, журавли и дикіе гуси, но всѣ они направляли свой путь прямо черезъ Черное море, мы же летѣли на Юго-Западъ и прилетѣли наконецъ въ Грецію. Здѣсь мы рѣшили зазимовать.

Не могу описать, какъ намъ тепло и уютно жилось въ Греціи! Свѣтило теплое солнце, улыбалось голубое небо, темнѣли кипарисы и туи, но мы угрюмо бродили по землѣ, добывали себѣ кормъ и уже не пѣли, не суетились, не творили проказъ. Намъ ужасно хотѣлось обратно въ Россію! Мы считали дни и часы, когда можно было бы вернуться назадъ. И вдругъ, въ концѣ февраля, раздался голосъ нашего вожака:—

— На родину! На родину! Собирайтесь скорѣе въ стаи!

Мы быстро собрались въ стаи и полетѣли. Вотъ Балканскія горы, вотъ Болгарія, вотъ Бессарабія, а вотъ ужъ потянулась подъ нами и родная Россія. И чѣмъ дальше мы летѣли къ сѣверу, тѣмъ становилось все холоднѣе и унылѣе, лежалъ снѣгъ и деревья были голы и покрыты инеемъ. Но странное дѣло! Мы прозимовали на югѣ, у Средиземнаго моря, гдѣ было жар-

ко и великолѣпно, но мы радовались снѣгу, этимъ голымъ лѣсамъ и такъ были веселы, точно свѣтило яркое солнце и вовсе не хотѣлось ѣсть! Но вотъ ужъ и наша милая усадьба. Въ ней все такъ же, какъ было и въ прошломъ году. Только наставлено еще нѣсколько новыхъ скворешенъ. Мы спускаемся на деревья и начинаемъ радостно пѣть. Заходитъ солнце и окрашиваетъ все въ оранжевый цвѣтъ. Замѣтивъ насъ, изъ домовъ выбѣгаютъ люди, киваютъ намъ головами и машутъ руками и тоже радостно кричатъ:—

— Скворцы! Скворцы прилетѣли! Значитъ, теперь уже весна!

Мы ночуемъ въ вѣтвяхъ того дерева, на которое сѣли, и на другой-же день принимаемся за отысканіе себѣ новыхъ квартиръ. Начинается суета около скворешенъ. Въ нихъ поселились уже воробьи, мы безжалостно вытаскиваемъ ихъ оттуда за вихры и выбрасываемъ ихъ яйца прямо на снѣгъ. Затѣмъ начинается драка между самими нами: кому занять освободившуюся квартиру? Сильный, конечно, побѣждаетъ и становится хозяиномъ скворешника. Остальные должны искать себѣ помѣщенія, гдѣ хотятъ. Я былъ силенъ, моя подружка, съ которой я познакомился въ пути, тоже была особа не изъ слабыхъ и мы заняли съ ней самый лучшій скво-

решникъ. Боже мой, какъ я былъ радъ, что былъ опять на родинѣ, что у меня былъ теперь свой домикъ и я могъ обзавестись своей семьей! Мы устлали наше гнѣздо куриными перьями и моя супруга скоро снесла шесть хорошенькихъ, голубенькихъ яичекъ.

— Ну, сказала она,—теперь я буду ихъ высиживать цѣлыя двѣ недѣли, а ты все время изволь пѣть, чтобы мнѣ не было скучно!

Она усѣлась на яйца, а я, едва только всходило солнце, начиналъ пѣть и пѣлъ до самаго вечера, такъ что самъ удивлялся своему умѣнью. Ни одна птица не способна такъ къ подражанію, какъ мы, скворцы. То я лаялъ собакой, то каркалъ вороной, то щелкалъ перепеломъ, то кричалъ „кукареку!“ Когда на деревнѣ пѣли дѣвушки, то я старался имъ подражать. Я кудахталъ курицей. Замѣтивъ разъ, что хозяинъ усадьбы сзываетъ своихъ рабочихъ свисткомъ, я такъ наловчился подражать этому его свистку, что сталъ сзывать рабочихъ каждые полчаса. Они выбѣгали изъ людской и плотницкой и, сломя головы, устремлялись къ хозяину, точно ихъ звалъ именно онъ, а не я. Я распѣвалъ, ни минуты не сидѣлъ спокойно, то шевелилъ крыльшками, то перебиралъ на себѣ клювомъ перья. Иногда я слеталъ на землю, неуклюже бѣгалъ по ней, гоняясь за бабочкой, точно

хромой, и какъ-бы насѣкомое скоро ни летѣло, я всегда ловилъ его на бѣгу, такъ какъ, не смотря на всю свою неуклюжесть, скворцы бѣгаютъ по землѣ скорѣе, чѣмъ летаетъ даже самое быстрое насѣкомое.

Но вотъ моя супруга вывела наконецъ дѣтей.

— Посмотри, какіе хорошенькіе! сказала она.

Они дѣйствительно показались мнѣ хорошенькими: голенькіе, большеголовые, лупоглазые, съ большими желтыми ртами. Ахъ, какъ радостно забилось мое сердце, когда я ихъ увидалъ!

— Ну, теперь можешь и не пѣть, обратилась ко мнѣ супруга.—Теперь надо кормить ребятъ!

И мы принялись за кормленіе нашихъ дѣтей. Мы оба, не покладая крыльевъ, съ утра и до вечера добывали для нихъ кормъ и все-таки я нѣтъ-нѣтъ и урывалъ утромъ или вечеромъ часокъ-другой, чтобы попѣть. Мнѣ нравилось, что у меня былъ свой домикъ, что я былъ теперь семейнымъ, что меня выходили слушать люди.

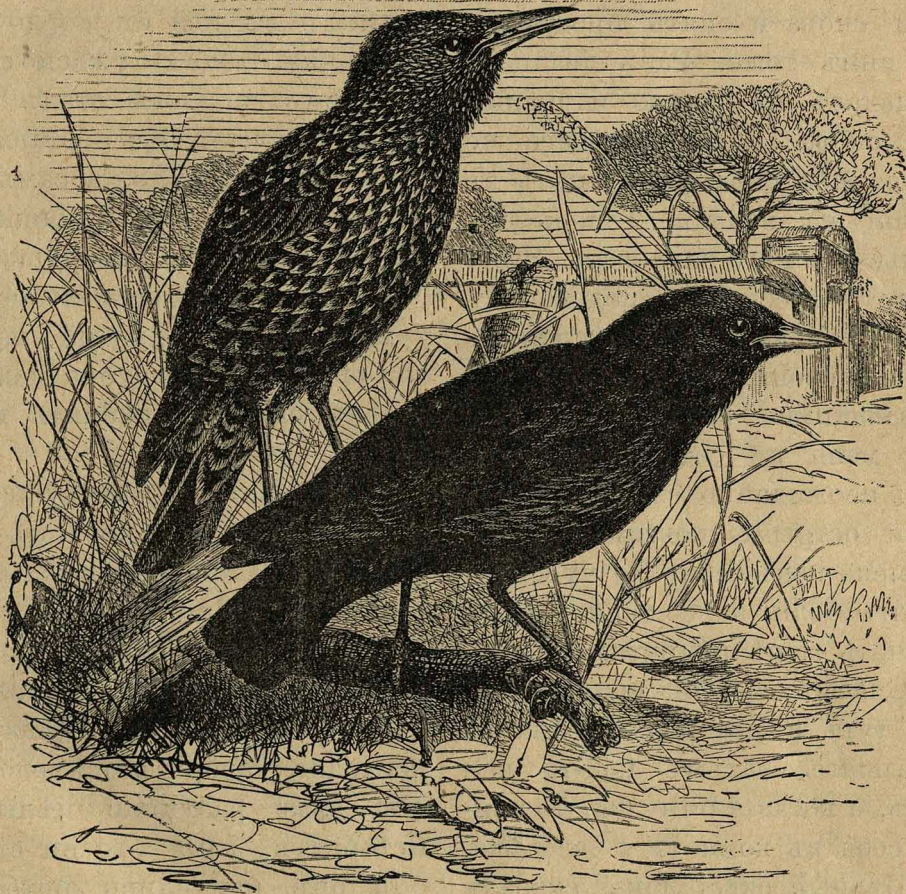
— Ахъ, ты птичья обезьяна! ухмылялся всякій разъ, слушая меня дворникъ Герасимъ. — И умѣть-же такъ всѣхъ передразнивать!

Я любилъ всѣхъ въ усадьбѣ: и этого Герасима, и хозяйина, и даже лошадей, коровъ и собакъ. Я не боялся никого. Не даромъ-же для

меня былъ построенъ домикъ, въ которомъ я жилъ теперь съ семьей!

А затѣмъ повторилось то-же, что было и въ моемъ дѣтствѣ. Когда мы выкормили нашихъ дѣтей, то научили ихъ летать и выгнали ихъ вонъ изъ скворешника.

лишь къ старымъ скворцамъ. Все время моя супруга была около меня, такъ какъ мы, скворцы, не расстаемся со своими женами уже до самаго конца нашей жизни, пока не разлучитъ насъ смерть. Но насъ разлучила не смерть.

Скворцы молодой и старей.

— Идите! добывайте себѣ кормъ сами! сказали мы имъ.

Они улетѣли, собрались въ стайки такой-же молодежи, какъ и они сами, а я и моя супруга тоже вскорѣ-же послѣ нихъ вылетѣли изъ скворешника и присоеди-

Мы паслись цѣлой стаей по вспаханному полю, какъ вдругъ одинъ изъ насъ громко закричалъ:

— Спасайтесь! Спасайтесь! Ястребъ!

Мы всѣ вздрогнули, сплотились

въ одну кучку и такъ кучкой и поднялись на воздухъ. Пролетѣвъ мимо ястреба, мы поднялись выше его и затѣмъ, всѣ сразу, бросились на него съ высоты. Онъ не ожидалъ этого и, спасаясь отъ нашихъ клювовъ, тотчасъ-же слетѣлъ на землю. Тогда мы заставили его подняться снова и опять продѣлали надъ нимъ тоже. Разъ двадцать онъ падалъ на землю и поднимался снова, пока наконецъ не выбился изъ силъ и не упалъ въ безсиліи на землю. Теперь мы должны были его заклевать. Я ненавижу ястребовъ и подскочилъ къ нему первый. Онъ сверкнулъ на меня своими злобными, пронизывающими глазами, подпустилъ меня къ себѣ поближе и вдругъ неожиданно схватилъ меня своими острыми когтями и подмялъ меня подъ себя. Не чувствуя себя отъ боли, я все-таки успѣлъ закричать женѣ и другимъ.

— Спасайтесь! Онъ еще силенъ!

Но тутъ я потерялъ сознание. Я слышалъ затѣмъ чей-то выстрѣлъ, а когда я очнулся, то увидѣлъ себя въ комнатѣ у человѣка.

— Бѣдный скворушка! сказалъ онъ, замѣтивъ, что я зашевелился. — Тебя чуть не разодралъ ястребъ! Но я проходилъ мимо, видѣлъ, какъ вы его клевали, и застрѣлилъ его! Теперь ты въ безопасности. Выздоравливай скорѣе!

Я былъ сильно помятъ и еще

долго прохворалъ у своего новаго хозяина. А тѣмъ временемъ уже наступили осень и зима, я зналъ, что мои товарищи и жена теперь находятся уже въ теплыхъ краяхъ, и примирился со своею судьбой. Для меня устроили клѣтку и цѣлые дни я только и дѣлалъ, что прыгалъ въ ней съ жордочки на жордочку. Это было ужасно скучно.

Затѣмъ хозяинъ сталъ учить меня говорить. Онъ поставилъ передо мною зеркало, а самъ спрятавшись за занавѣску и крикнулъ:—

— Здравствуй, скворушка!

Я увидѣлъ въ зеркало себя, подумалъ, что это другой скворецъ, который привѣтствуетъ меня, захотѣлъ его передразнить и повторилъ:—

— Здравствуй, скворушка!

Съ тѣхъ поръ хозяинъ сталъ учить меня говорить каждый день.

— Ты у меня умнѣе! сказалъ онъ.— Ты способный! Скоро ты будешь говорить, какъ человѣкъ.

И я дѣйствительно сталъ превосходно говорить по-человѣчьи. Мы даже разучили цѣлыя двѣ исторіи и, какъ это ни странно, обѣ онѣ случились потомъ въ дѣйствительности и мнѣ пришлось сыграть въ нихъ роль героя. Въ первой изъ нихъ хозяинъ влѣзалъ въ комнату черезъ окно, а я долженъ былъ во все горло кричать:

— Воры! Воры лѣзутъ! Идите сюда скорѣе!

А въ другой я долженъ былъ

звонить въ колокольчикъ и кричать:—

— Пожаръ! Горимъ! Спасайся, кто можетъ!

И вотъ когда хозяина не было дома, какъ-то на разсвѣтѣ, когда я только что пробудился, къ намъ залѣзли воры на самомъ дѣлѣ. Увидѣвъ ихъ, я закричалъ:— „Воры! Воры лѣзутъ!“ На мой крикъ вбѣжалъ ночевавшій въ домѣ кучеръ Герасимъ и выпроводилъ ихъ по добру по здорову. Въ другой разъ дѣвушка-горничная затопила жарко печь въ той комнатѣ, гдѣ я сидѣлъ, и ушла. Изъ дверцы выпала головня и зажгла коверъ. Онъ вспыхнулъ, отъ него огонь перешелъ на скатерть на столѣ и на обои. Увидѣвъ дымъ, я сталъ орать:— „Пожаръ! Горимъ! Спасайся, кто можетъ!“ Вбѣжалъ хозяинъ, всплеснулъ руками и сталъ звать на помощь. Прибѣжали домашніе, кто съ ведромъ воды, кто съ кочергой и быстро, своими средствами, потушили огонь.

— Ну, скворушка, спасибо тебѣ! обратился ко мнѣ хозяинъ.—За это весною, когда возвратятся скворцы, я выпущу тебя на волю.

Я понялъ его и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать конца февраля. Ахъ, съ какимъ нетерпѣніемъ я ждалъ весны! Съ какимъ замираніемъ сердца я слѣдилъ за прибавленіемъ дня, какъ радостно я привѣтствовалъ солнце, когда оно въ рѣдкіе январскіе дни проглядывало вдругъ

сквозь тучи и освѣщало мое окошко! Какъ пламенно мнѣ хотѣлось на волю и съ какимъ-бы наслажденіемъ я вылетѣлъ изъ комнаты, несмотря на трескучіе морозы.

Но вотъ настала ужъ и февраль. Закапало на солнцѣ съ крышъ, почтаще сталъ перепадать дождикъ и среди двора стали появляться бурья лужи.

„Теперь наши собираются уже летѣть домой“... думалъ я и по пальцамъ считалъ дни, когда мои сородичи должны появиться здѣсь.

И вдругъ всѣ они появились у насъ въ усадьбѣ и сѣли на высокую липу. Раздались трещанье, лопотаніе и свистъ и я съ своей стороны привѣтствовалъ ихъ громкимъ крикомъ.

— Скворцы прилетѣли! послышались крики со двора.—Скворцы вернулись! Въ нынѣшнемъ году на четыре дня раньше, чѣмъ въ прошломъ! Скоро весна!

И вдругъ ко мнѣ подошелъ мой хозяинъ.

— Мнѣ жаль разставаться съ тобой, милый скворушка, сказалъ онъ,—но свобода дороже всего. Лети съ Богомъ!

Онъ отворилъ клѣтку и выпустилъ меня въ окошко. Я ринулся въ воздухъ. За годъ неволи крылья ослабѣли у меня и я еле могъ долетѣть до дерева, на которомъ сидѣли возвратившіеся скворцы. Перепрыгивая съ вѣтки на вѣт-

ку, я добрался наконецъ до вершины.

— Здравствуйте! крикнулъ я имъ.

— А, здравстзуй! слышались голоса.—Сколько лѣтъ! Сколько зимъ! А мы уже думали, что тебя

— Какъ ты похудѣлъ! сказала она со вздохомъ, оглядѣвъ меня со всѣхъ сторонъ.—Какія на тебѣ стали трепанная перья!

Я рассказалъ ей все, что со мной случилось. И вдругъ вся

Испугъ.

нѣтъ и въ живыхъ!

И кто-то изъ нихъ крикнулъ кому-то:—

— Гляди! Твой мужъ еще живой!

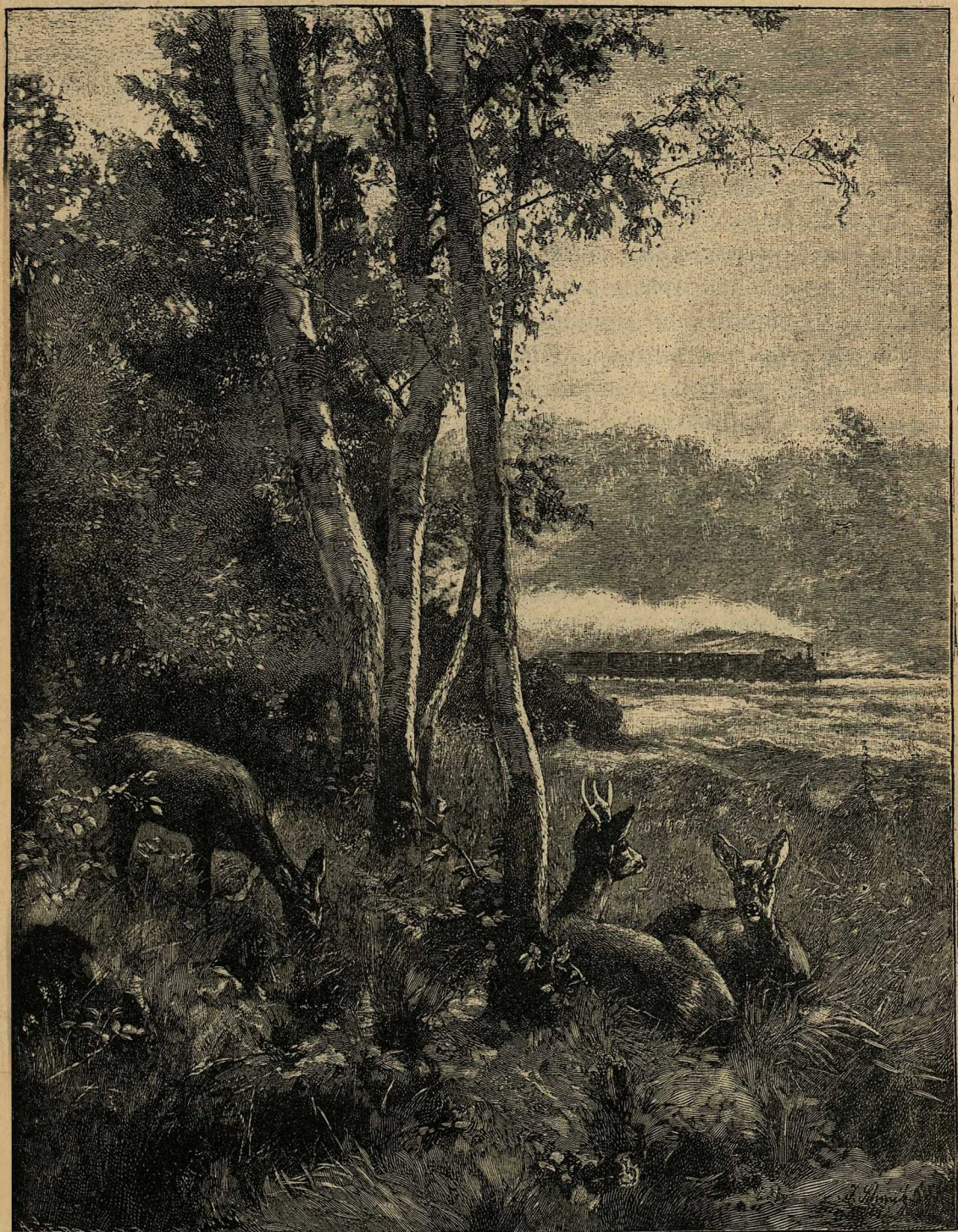
— Неужели? слышался радостный ствѣтъ.

И вслѣдъ затѣмъ ко мнѣ слѣтѣла моя супруга и сѣла со мной рядышкомъ на одну и ту-же вѣтку.

стая скворцовъ подлетѣла къ намъ и сѣла вокругъ насъ.

— А ну-ка, повтори, повтори! обратились они ко мнѣ.—Расскажи намъ, какъ ты выучился человѣческому языку! Это такъ интересно!

Я повторилъ имъ исторію своихъ страданій. Моя супруга плакала навзрыдь.

У лѣсной опушки.

— Знаешь, что? сказалъ мнѣ нашъ старый жоакъ.— Ты долженъ написать свои воспоминанія и помѣстить ихъ въ „Золотомъ Дѣтствѣ“. Тамъ иногда печатаются воспоминанія птицъ и дикихъ звѣрей!

Я послѣдовалъ его совѣту и вотъ пишу эти мои нехитрыя записки.

А затѣмъ мы разлетѣлись по нашимъ скворешнямъ и принялись за высиживаніе птенцовъ. Пока моя супруга сидѣла на яйцахъ, я по прежнему громко распѣвалъ и, всякій разъ, какъ въ домѣ топили печь и изъ трубы начиналъ валить дымъ, я громко кричалъ:—

— Пожаръ! Горимъ! Спасайся, кто можетъ!

И всѣ сосѣдніе скворцы звонко смѣялись.

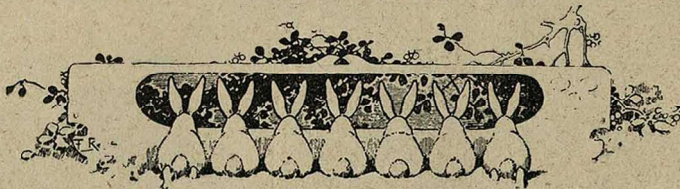
А одинъ разъ ночью, когда у всѣхъ насъ вывелись уже птенцы, нами захотѣла полакомиться сова и неслышно подкралась къ скворешнѣ моего сосѣда-скворца. Я услышалъ это, выскочилъ на домикъ, захопалъ крыльями и во все горло сталъ орать:—

— Воры! Воры лѣзутъ! Выходите сюда скорѣй!

Всѣ скворцы повыскакивали изъ своихъ скворешень, сплотились кучкой и бросились на сову. Она взмахнула крыльями и улетѣла прочь. Больше въ то лѣто мы не видали ее ни разу.

И всѣ мои товарищи прониклись ко мнѣ уваженіемъ и въ ту-же осень выбрали меня въ жоаки.

С. Вершининъ.

ПЕРВЫЙ СНѢЖОКЪ.

Стоять въ слезахъ нагія вѣтки,
Природа сбросила красу,
Замолкли птички и ужъ дѣтки
Не бродятъ весело въ лѣсу.

Травы ужъ нѣтъ... Замерзли
почки,
Повсюду тишь и пустота.
Въ деревнѣ сыро, грязь и кочки
И спозаранку темнота.

По стекламъ катятся слвзинки,
Не хочешь взяться ни за что,
Но вотъ срываются снѣжинки
И сразу чувство ужъ не то.

Снѣгъ выпалъ первый!.. Такъ пу-
шисто!..
Въ узорахъ нѣжныхъ все стекло,
Кругомъ бѣло и серебристо
И стало сразу вдругъ свѣтло!

Кузнечикъ.

МИССЪ МЕРИ.

У Федора Никитича умерла отъ тифа единственная девятилѣтняя дочь Варя. Онъ былъ одинокъ и это такъ на него повліяло, что онъ долго ходилъ, повѣсивъ голову, и ничѣмъ не могъ заняться. Но время шло, онъ свыкъся со своимъ положеніемъ, переѣхалъ въ другой городъ, поступилъ тамъ на службу и скоро сдѣлался помощникомъ исправника. Но, не смотря ни на что, онъ не могъ ни на одинъ день позабыть о своей Варѣ и всякій разъ, когда встрѣчался гдѣ-нибудь въ домѣ или на улицѣ съ дѣвочкой ея лѣтъ, то останавливался, долго смотрѣлъ на нее и глубоко вздыхалъ. Ему хотѣлось взять къ себѣ пріемыша.

„Развѣ рискнуть?“ думалъ онъ. — „Развѣ взять къ себѣ какую-нибудь безродную дѣвочку?“

Но онъ былъ одинокъ, боялся, что не справится съ ней, и эта мысль его пугала.

„Подожду“, рѣшилъ онъ. — „Подожду еще немного, а потомъ и возьму!“

Между тѣмъ въ городъ пріѣхалъ циркъ. По всѣмъ угламъ были расклеены афиши, въ которыхъ говорилось, что въ немъ будутъ давать представленія знаменитые братья-клоуны Кванти, король воздуха — Прадо и „несравненная“

девяти-лѣтняя наѣздница и гимнастка „малолѣтняя“ миссъ-Мери.

Билеты раскупались очень бойко и сборъ обѣщалъ быть очень хорошимъ. До начала представленій оставалось всего только нѣскольکو часовъ, такъ что нѣкоторые изъ артистовъ репетировали въ циркѣ, другіе гуляли по городу, а третьи отдыхали въ дешевенькихъ номерахъ гостиницы, или вѣрнѣе заѣзжаго двора. Миссъ-Мери была въ циркѣ и повторяла свои упражненія.

Кто была эта миссъ-Мери и откуда, — она не знала и сама. Раннее дѣтство прошло для нея, какъ въ туманѣ, и вотъ уже четыре года, какъ она вмѣстѣ съ циркомъ объѣзжала захолустные городишки и давала представленія. Она жила у бывшей наѣздницы, болѣзненной женщины лѣтъ сорока, которая тоже переѣзжала вмѣстѣ съ циркомъ съ мѣста на мѣсто и завѣдывала въ немъ хозяйствомъ. По болѣзни она уже не давала представленій. Миссъ-Мери приходилось вмѣстѣ съ нею терпѣть и холодъ, и голодъ и переносить обиды, но дѣвочка всегда старалась быть веселой и не показывать вида, что ей хотѣлось ѣсть или было тяжело.

Для открытія представленій въ

циркѣ миссъ - Мери предстояли очень сложныя упражненія. Почти подъ самымъ потолкомъ была нарочно для нея устроена маленькая площадка для танцевъ, откуда она должна была потомъ броситься внизъ и упасть въ сѣтку, растянутую какъ разъ надъ землей. Хожденіе по канату было обязательно всегда. Кромѣ того, именно въ этотъ вечеръ, она должна была балансировать на слабо-натянутой проволоцѣ, что было особенно опасно. Но все это ее нисколько не утрапало. Съ самаго утра ее беспокоило ухудшеніе здоровья наѣздницы, у которой она жила. Вѣроятно, во время перекочевки ее гдѣ-нибудь продуло и она стала больше кашлять. Миссъ-Мери относилась къ ней, какъ къ родной матери, хотя и называла ее по имени—Анной Павловной. Теперь эта Анна Павловна лежала пластомъ на кровати и кашляла такъ, что, казалось, у нея готова была лопнуть грудь.

— Вамъ худо, Анна Павловна? обратилась къ ней миссъ-Мери, возвращаясь съ репетиціи. — Вы кашляете?

Ласковая нотка въ голосѣ дѣвочки тронула больную.

— Худо, милая, отвѣтила она. — Кашляю!

Хотя Анна Павловна и привыкла уже къ успѣхамъ миссъ-Мери, но всякій разъ ее въ самое сердце колола мысль о томъ, что дѣвоч-

ка можетъ сорваться съ трапеціи и разбиться на смерть. Она знала, что хозяинъ цирка, чтобы привлечь больше публики, не остановится ни передъ чѣмъ и заставитъ бѣдную сироту дѣлать такія упражненія, которыя окажутся ей не подъ силу.

— Охъ, Господи, вздыхала она, хоть-бы поправиться мнѣ немножко! Ни за что бы не оставила Машеньку въ циркѣ! Сама-бы стала зарабатывать и кормить ее. А то вѣдь прямо грѣхъ пускать ребенка изъ-за нѣсколькихъ копѣекъ рисковать жизнью.

Но дѣвочка и на этотъ разъ была весела и не жаловалась ни на что.

— Знаете, Анна Павловна, сказала она весело, — сколько народу у цирка! И говорятъ, что всѣ билеты уже распроданы.

— Ну, и слава Богу, отвѣтила больная. — А теперь сядь, поѣшь... Ты съ утра ничего не ѣла... Поди, изъ тебя тамъ всѣ жилы вытянули, а корки хлѣба поѣсть не дали...

Дѣвочка сѣла за столъ и поѣла. Потомъ она собрала свои костюмы въ узелокъ и стала причесываться къ вечернему спектаклю. Затѣмъ она подсѣла къ Аннѣ Павловнѣ на кровать и долго обѣ онѣ молчали. Въ корридорѣ пробило семь часовъ. Пора была уходить. Забравъ съ собой все, миссъ-Мери подошла къ Аннѣ Павловнѣ и поцѣловала ее въ щеку.

— Прощайте, Анна Павловна! сказала она.

— Господь тебя благословить, мое солнышко! отвѣтила больная. — Будь осторожна!

Миссъ-Мери отправилась въ циркъ. Былъ теплый, тихій вечеръ. Мерцало несчетное количество звѣздъ. Изъ сосѣднихъ садовъ тянуло ароматомъ сирени и бѣлой акаціи и во всей природѣ было такъ хорошо, что какъ-то не вѣрилось, что есть люди, которые въ этотъ вечеръ будутъ кривляться и ломаться съ опасностью для собственной жизни на потѣху другимъ и что есть еще больше людей, которые заплатятъ деньги, чтобы только поглядѣть на эти лomanья и кривлянья.

Миссъ-Мери пришла въ циркъ, одѣлась въ костюмъ, покрытый блестками, и съ тревогой стала ожидать своего выхода. Толпа уже шумѣла въ циркѣ. Сотни зрителей разсаживались по своимъ мѣстамъ, избранная публика толпилась въ проходахъ и за кулисами. Какой-то господинъ въ сюртукѣ со свѣтлыми пуговицами и со шпагой прошелъ мимо миссъ-Мери и ласково ей улыбнулся. Когда онъ шелъ обратно, то его сопровождалъ уже самъ содержатель цирка и почтительно отвѣчалъ на его вопросы. Это былъ помощникъ исправника Ѳедоръ Никитичъ. Поровнявшись съ миссъ-Мери, Ѳедоръ Никитичъ опять обратилъ

вниманіе на нее и на этотъ разъ уже потрепалъ ее по щекѣ.

— И ты тоже представляешь? обратился онъ къ ней. — Что-же ты намъ сегодня будешь показывать?

Она хотѣла ему отвѣтить, но онъ уже пошелъ далѣе и скрылся въ толпѣ.

Началось представленіе. Первымъ вышелъ фокусникъ, вторыми—клоуны Кванти. Миссъ-Мери стояла въ ожиданіи своей очереди и прислушивалась къ реву и смѣху толпы. Какъ-то приметъ сегодня публика и ее? И что это за военный, который такъ ласково посмотрѣлъ на нее и потрепалъ ее по щекѣ? Похлопаетъ-ли онъ ей, когда она будетъ танцевать подъ самой крышей цирка? Какъ теперь чувствуетъ себя дома Анна Павловна? Легче-ли ей?

И вдругъ раздался голсъ:

— Маша, твой выходъ!

Она вздрогнула и вышла на арену. Масса свѣта прыснула ей прямо въ лицо. Щурясь и весело улыбаясь, она раскланялась граціозно по сторонамъ, поднялась по веревкѣ подъ самую крышу и подъ звуки оркестра стала танцевать на площадкѣ. Казалось, что она висѣла въ воздухѣ и ни до чего не дотрогивалась ногами. Всѣ слѣдили за каждымъ ея движениемъ, затаивъ дыханіе. Вотъ она стоитъ на одной ножкѣ, а въ рукахъ держитъ газовый шарфъ и

небрежно имъ играетъ. Того и гляди, что вотъ-вотъ она сдѣлаетъ неловкое движеніе, полетитъ внизъ и расшибется на смерть. Но она легко поворачивается, становится твердо на площадку и улыбается... Раздаются ревъ толпы и аплодисменты. Пока она идетъ переодѣваться къ слѣдующему выходу, выпускаютъ дрессированныхъ собакъ.

— Милочка, сколько тебѣ лѣтъ? слышитъ она позади себя ласковый голосъ.

Она оборачивается. За ней идетъ помощникъ исправника. Онъ опять привѣтливо треплетъ ее по щеку. Она отвѣчаетъ на его вопросы, дѣлаетъ ему реверансъ и уходитъ къ себѣ въ уборную. Затѣмъ она выходитъ во второй разъ, снова вызываетъ цѣлую бурю одобреній и, покончивъ съ дѣломъ, одна, черезъ весь городъ бѣжитъ къ себѣ домой. Уже 11 часовъ ночи. На улицахъ пустынно и кажется, что отъ этой пустоты звѣзды мигаютъ еще ярче. Стучать въ колотушки сторожа и въ отдаленіи уныло лаютъ собаки.

Придя домой, миссъ-Мери со страхомъ замѣтила, что Аннѣ Павловнѣ было хуже. Укрывшись одѣяломъ и нѣсколькими тальмами и пальто, она все-таки дрожала и стучала зубами отъ озноба.

— Анна Павловна, что съ вами? спросила она съ тревогой. — Не сбѣгать-ли за докторомъ?

Но Анна Павловна высунула изъ-подъ одѣяла руку и удержала ее.

— Не надо... отвѣтила она. — Пройдетъ!..

До глубокой ночи миссъ Мери просидѣла около больной и заснула только къ утру, когда успокоилась и заснула и больная. Въ своей бродячей, артистической жизни дѣвочка привыкла уже поздно ложиться спать и поздно вставать и бѣдняжкѣ не казалось это утомительнымъ и страннымъ.

На слѣдующій день утромъ помощникъ исправника прислалъ миссъ-Мери сверточекъ. Когда она развернула его, то въ немъ оказались пирожныя, шоколадъ и груши. Она обрадовалась и стала ѣсть. Хотѣла было угостить и Анну Павловну, но та лежала вся въ огнѣ и уже не отвѣчала на ея вопросы. Это испугало миссъ-Мери.

— Анна Павловна!.. Милая!.. залепатала она. — Да что-же мнѣ съ вами дѣлать?

И для миссъ-Мери потянулись скучные дни. Анна Павловна захворала серьезно. Ѳедоръ Никитичъ былъ такъ добръ, что прислалъ къ ней врача, и тотъ объявилъ, что положеніе больной тяжелое. Каждый день нужно ожидать развязки. Это угнетало миссъ-Мери. Ахъ, съ какимъ наслажденіемъ она отказалась-бы теперь отъ представленій въ циркѣ и все время проводила-бы около боль-

ной, которая приютила ее у себя, какъ родную дочь, хотя и была ей совершенно чужой. Какъ тяжело ей было каждый день танцевать и улыбаться, когда у нея на душѣ было такъ грустно и неспокойно за больную! Болѣе наблюдательный глазъ, конечно, замѣтилъ-бы, какъ часто у бѣдной дѣвочки выступали на глазахъ слезы, но содержатель цирка имѣлъ свои расчеты и она должна была выступать передъ публикой каждый день. Какъ она ни упрашивала его освободить ее отъ представленій, но онъ не согласился.

— А кто ко мнѣ пойдетъ въ циркъ, когда не будетъ тебя? возразилъ онъ.—Ты хочешь, чтобы я вылетѣлъ вверхъ ногами въ трубу?

Она—безправное существо—не знавшая, кто она и откуда появилась въ циркъ,—развѣ она могла возражать? И она покорно отправлялась на репетиціи и представления и продѣлывала тамъ все, что отъ нея требовалъ хозяинъ. И всякій разъ на нее съ умиленіемъ смотрѣлъ Оедоръ Никитичъ, давалъ ей въ антрактахъ то конфетку, то цвѣточекъ, и почему-то, какъ казалось миссъ-Мери, грустно вздыхалъ.

„Точь-въ-точь моя покойница Варя“... думалъ онъ всякій разъ, глядя на нее. — „И создастъ-же Господь такое сходство! Только у той были голубые глаза...“

Какъ-то вечеромъ, когда Аннѣ Павловнѣ было особенно худо, миссъ-Мери должна была выступать передъ публикой въ особенно трудныхъ, головолomныхъ упражненіяхъ. Хозяинъ цирка придумалъ для нея нѣчто такое, что требовало отъ нея большой внимательности и въ то-же время должно было собрать въ циркъ какъ можно больше народу. Она должна была обдумывать каждый свой шагъ и слѣдить за каждымъ движеніемъ. Робкая, безвольная, привыкшая подчиняться другимъ, она зашла по дорогѣ къ наѣздицѣ мадмуазель Элень и повѣдала ей свое горе.

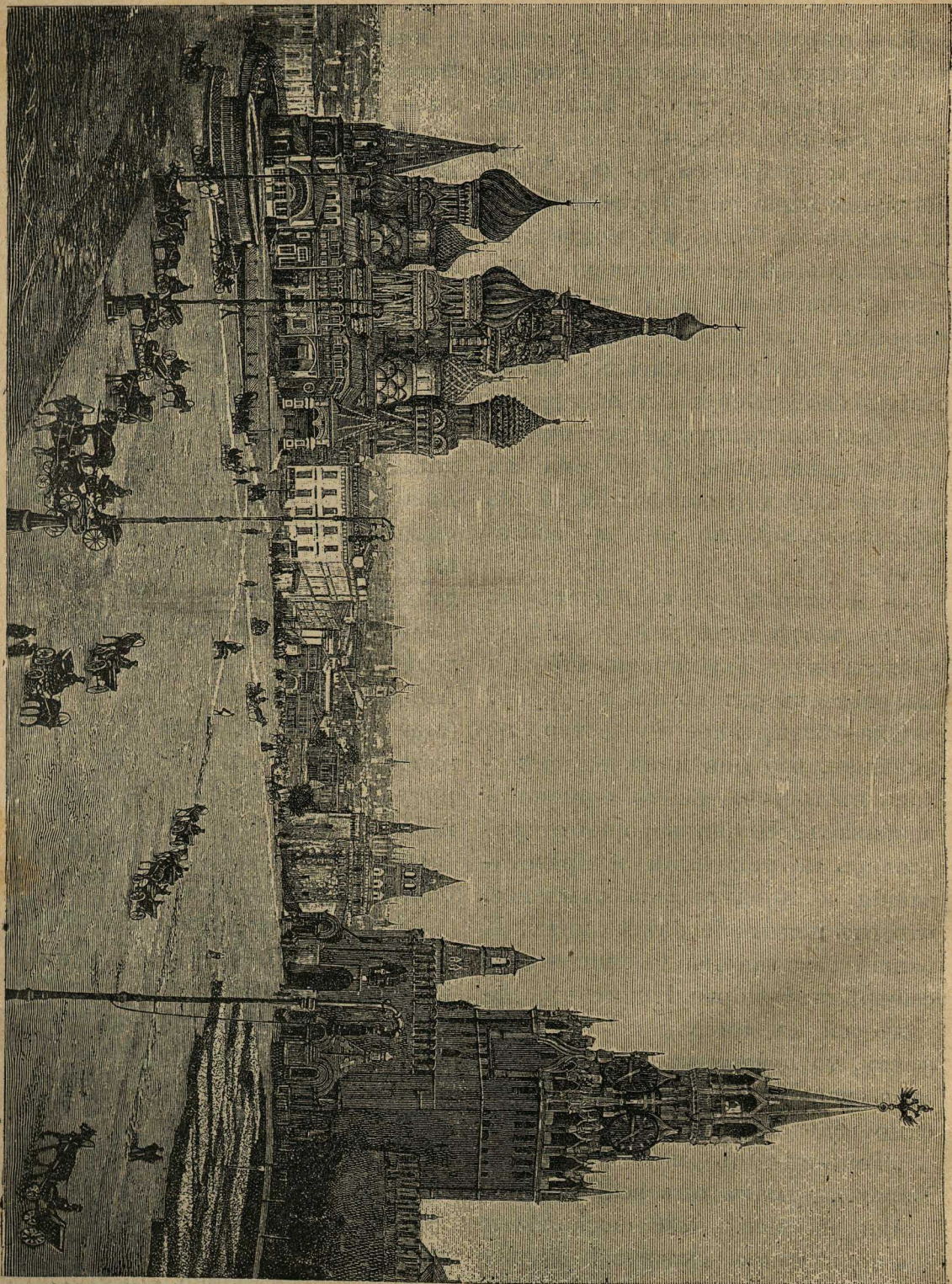
— Душечка, Елена Ниловна, залепетала она.—Что мнѣ дѣлать? Анна Павловна такъ больна, что... (она проглотила слезы), что можетъ уйти отъ насъ каждую минуту... А тутъ этотъ противный циркъ...

Она расплакалась и не могла больше продолжать.

— Вотъ что, дружокъ, отвѣтила ей мадмуазель Элень.—Сегодня я въ циркъ не иду, потому что захромалъ мой Принцъ, такъ я могу посидѣть за тебя около Анны Павловны. Иди съ Богомъ! Не беспокойся!

— Только, въ случаѣ чего, попросила миссъ-Мери,—прибѣгите ко мнѣ въ циркъ и махните платкомъ!

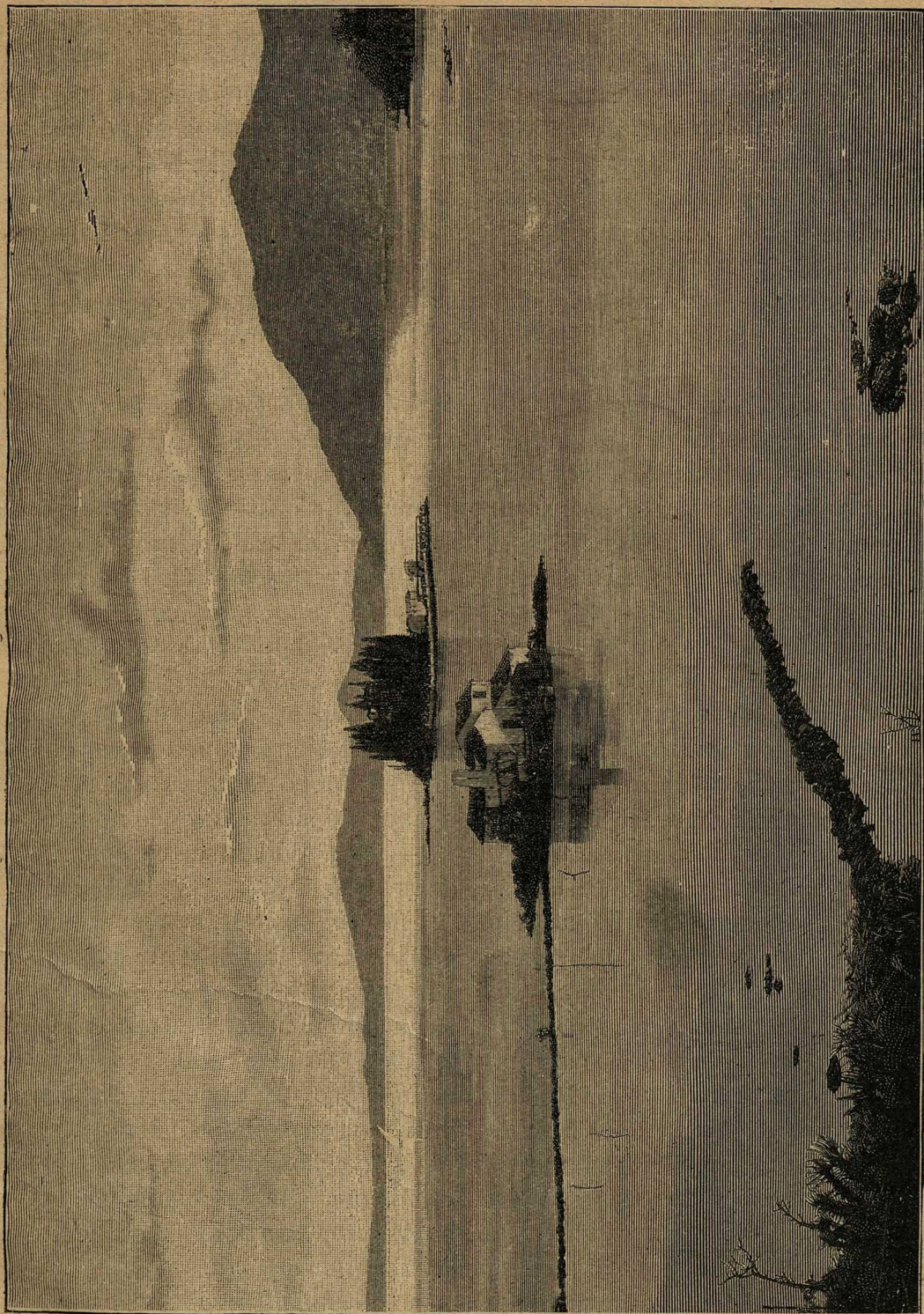
И онѣ разстались. Въ этотъ ве-

Церковь Василия Блаженного.

Красная площадь в Москвѣ.

Спасскія ворота.

На италіанскомъ озерѣ.

черь миссъ-Мери была какой-то особенной. Она такъ безстрашно продѣлывала все на трапеціи, такъ легко ходила по канату, что вызывала иногда ужасъ у зрителей и въ то-же время сама не вѣрила себѣ. Все время она думала объ Аннѣ Павловнѣ и приглядывалась къ зрителямъ, не увидитъ-ли среди нихъ мадмуазель Элень.

„Ея все еще нѣтъ...“ думала она.
„Какъ-то тамъ у насъ дома?“

И то, что мадмуазель Элень не приходила до сихъ поръ, вселяло въ ней увѣренность, что все дома благополучно, она забывалась и съ головокружительной быстротой начинала вертѣться на турникѣ или-же забиралась подъ самую крышу цирка и летала тамъ по воздуху, какъ бабочка.

И вдругъ, въ мѣстахъ для публики мелькнулъ бѣлый платокъ. Миссъ-Мери увидала его и сердце у нея замерло. У нея на мгновение закружилась голова. Схватившись за трапецію, она нѣсколько секундъ оставалась безъ движенія, затѣмъ взвизгнула и, точно на что-то рѣшившись, вдругъ выпустила изъ рукъ трапецію и неожиданно для всѣхъ полетѣла съ высоты прямо на землю. Кто-то захопалъ ей, но у большинства похолодѣло подъ сердцемъ. Она упала прямо въ сѣтку, прорвала ее и свалилась на землю. Придя отъ паденія въ себя, она вскочила на ноги, потомъ отряхнулась и

стала на колѣни. Всѣ думали, что она расшиблась.

— Господа, обратилась она къ публикѣ и голосъ ея задрожалъ.— Отпустите меня, ради Бога домой! Я васъ прошу, умоляю. Я буду вамъ танцевать съ утра и до вечера, буду кувыраться, плясать на канатѣ, только отпустите меня сейчасъ!.. У меня умираетъ Анна Павловна. Она умираетъ...

Къ ней подскочилъ хозяинъ и схватилъ ее за руку.

— Нѣтъ, ты будешь продолжать, пропишѣлъ онъ.— Я заставлю тебя продолжать! Ты хочешь, чтобы у меня потребовали назадъ деньги...

— Не надо намъ денегъ, отпустите ее! крикнулъ кто-то изъ публики.

Изъ перваго ряда поднялся помощникъ исправника Федоръ Никитичъ, подошелъ къ миссъ-Мери и ласково погладилъ ее по головѣ.

— Иди, милочка, домой!.. сказаль онъ.

Она поднялась и, чувствуя на себѣ сотни глазъ, направилась къ выходу. Попрежнему было тихо, мерцали звѣзды, лаяли вдаль собакъ, но все это казалось теперь миссъ-Мери чѣмъ-то зловѣщимъ и угрюмымъ. Не чувствуя подъ собою ногъ, держась рукой за сердце, она бѣжала ночью одна, насколько хватало у нея силъ, и только повторяла:

— Господи, что мнѣ дѣлать?.. Какъ мнѣ теперь быть?

За ней на далекомъ пространствѣ бѣжала слѣдомъ мадмуазель Эленъ, махнувшая ей въ циркѣ платкомъ, и кричала:

— Машенька! Маша!.. Подожди меня! Не бѣги одна!

Но миссъ-Мери не слышала и не замѣчала вокругъ себя ничего. Вбѣжавъ къ себѣ въ комнату и увидѣвъ доктора, что-то писавшаго у стола, она залилась слезами.

— Анна Павловна!.. сказала она.— Анна Павловна!.. Это я!

Докторъ всталъ изъ-за стола и подошелъ къ ней.

— Не надо такъ убиваться... сказалъ онъ— Тамъ на столѣ я написалъ свидѣтельство. Его нужно будетъ отдать кому-нибудь изъ старшихъ.

Онъ надѣлъ пальто и ушелъ.

И въ ту самую минуту, когда для миссъ-Мери казалось все потеряннымъ, когда она почувствовала себя безнадежно и непоправимо одинокой, вдругъ отворилась дверь и въ комнату вошелъ Федоръ Никитичъ. Онъ взялъ ее за руку и повелъ.

— Пойдемъ!.. сказалъ онъ.

— Куда? робко спросила она его.

— Пойдемъ ко мнѣ!.. Ты замѣнишь мнѣ родную дочь!

Она пытливо посмотрѣла на него и вдругъ поняла все: и его улыбки при встрѣчѣ съ ней, и ласки, и конфеты... И какое-то невѣдомое,

новое чувство безграничной близости къ этому человѣку вдругъ наполнило ее сердце. Она почувствовала какъ-то сразу, вдругъ, что въ этомъ господинѣ она найдетъ своего отца, котораго не знала никогда, и что теперь для нея должна начаться новая, прекрасная жизнь, въ которой ей было отказано съ самыхъ раннихъ лѣтъ.

И полная охватившей ее благодарности къ Федору Никитичу, она прижалась щекой къ его рукѣ и плакала, плакала безъ конца.

Прошелъ мѣсяць. Циркъ уѣхалъ, на могилкѣ Анны Павловны уже успѣла вырости молоденькая трава, а маленькая миссъ-Мери, или какъ стали ее звать теперь — Маруся, весело бѣгала по садику при домѣ Федора Никитича и щебетала, какъ ласточка. Самъ Федоръ Никитичъ, довольный, возвратясь со службы, сидѣлъ за столикомъ и съ наслажденіемъ пилъ чай. Теперь онъ былъ не одинъ. Въ его домѣ, съ переселеніемъ къ нему Маруси, какъ-то сразу все повеселѣло: появились игрушки, стало брнчать старое разбитое фортепіано, слышались тяжелые шаги няни-старушки, которую пришлось нанять для Маруси, и теперь Федоръ Никитичъ садился обѣдать уже не одинъ. Это наполняло ему жизнь и дѣлало его счастливымъ.

Л. Л.

СКУЧНАЯ ПОРА.

Пустынно въ паркѣ... По дорож- И птицъ ужъ нѣтъ... Свѣтаетъ
камь поздно,
Шуршатъ опавшіе листы Природа мертвая молчить...
И ужъ въ саду передъ окош- То снѣгъ пойдетъ, то вдругъ мо-
комъ розно,
Завяли бѣдные цвѣты. А то въ окошко дождь стучить

И облака ползутъ, какъ клочья,
Такъ сыро съ самаго утра...
Пищитъ сова туманной ночью...
Какая скучная пора!

Кузнечикъ.

КЪ ТИХОЙ ПРИСТАНИ.

(Приключенія мальчика).

ПОВѢСТЬ.

I. Въ таинственномъ домѣ.

Сережа былъ круглый сирота. Онъ жилъ въ деревнѣ у своей тетки Авдоты Петровны, которая не обращала на него никакого вниманія и все собиралась написать къ другой его теткѣ Марфѣ Петровнѣ, чтобы она взяла его къ себѣ и пристроила его къ какому-нибудь ремеслу. Но написать къ ней она такъ и не собралась и все время мальчикъ бѣгалъ на свободѣ.

Рядомъ съ домикомъ Авдоты Петровны находился садъ, огороженный низенькой каменной стѣной и высокой живой изгородью изъ боярышника, изъ за которыхъ выглядывалъ домъ съ постоянно заколоченными ставнями, весь заросшій деревьями. Всѣ дорожки во-

кругъ него поросли травой и на клумбахъ выросъ высокій бурьянъ. Этотъ домъ всегда представлялъ для Сережи нѣчто таинственное. Какъ онъ помнилъ себя, въ немъ не жилъ никто. Онъ и привлекалъ Сережу къ себѣ, и въ то-же время наводилъ на него страхъ. Иногда слышалась изъ него возня мышей и это было единственнымъ звукомъ, который изъ него исходилъ. Говорили, что въ этомъ домѣ когда-то что-то произошло, но что именно, объ этомъ не помнилъ въ деревнѣ никто. Съ тѣхъ поръ этотъ домъ и стоялъ съ заколоченными окнами сиротой.

И вдругъ однажды утромъ въ немъ неожиданно отворилась дверь. Изъ нея вышелъ человекъ въ

фартукъ и сталъ очищать садъ отъ сорныхъ травъ. Онъ работалъ затѣмъ въ немъ цѣлую недѣлю, расчищая дорожки, сажая цвѣты и обкапывая клумбы. Въ то же время во всемъ домѣ были открыты окна и Сережа видѣлъ, какъ по комнатамъ ходила женщина, стирала со всего пыль и выколачивала матрацы и мебель.

Послѣ этого прошло недѣли двѣ и передъ калиткой этого дома остановилась вдругъ большая фура, въ какой обыкновенно въ городахъ перевозятъ мебель. Изъ нея вынесли красивую мебель, далеко не похожую на ту, какую привыкъ видѣть у себя и у сосѣдей Сережа. Между другими вещами онъ увидѣлъ и кровать для куклы, которая привела въ восторгъ деревенскихъ дѣвочекъ, выбѣжавшихъ поглядѣть на фуру такъ-же, какъ и Сережа. Вообще прибытіе этой фуры произвело въ деревнѣ цѣлый переполохъ. Въ ту-же ночь пріѣхали какой-то господинъ съ дѣвочкой. Это были новые владѣльцы таинственного дома.

На слѣдующее-же утро Сережа взлѣзъ на заборъ, чтобы заглянуть въ сосѣдній садъ. Имъ овладѣло любопытство. И въ тотъ самый моментъ, когда его голова показалась надъ заборомъ, изъ-за него съ другой стороны неожиданно высунулась другая головка. Это была пріѣзжая дѣвочка. Онъ сконфузился и не зналъ, что дѣлать. Дѣвочка стала смѣяться. Раздвинувъ вѣтви боярышника, она смотрѣла ему прямо въ глаза. Сережа былъ одѣтъ, какъ простой мальчикъ, а она казалась аристократкой, и это приводило его въ смущеніе и онъ не

зналъ, какъ поступить: оставаться-ли еще на заборѣ, или слѣзть.

— Какъ тебя зовутъ? вдругъ спросила его дѣвочка.

— Сережей, отвѣтилъ онъ.

— Ты живешь тамъ?

— Да.

— Чѣмъ занимается твой отецъ?

— У меня нѣтъ отца.

— А мать?

— У меня нѣтъ и матери—я сирота.

— У меня тоже нѣтъ матери, но папа меня любитъ такъ, точно онъ въ то-же время и мама. Съ кѣмъ-же ты живешь?

— Съ тетей Авдотьей Петровой... У меня есть еще и другая тетя—Марфа Петровна, но она живетъ отсюда далеко, на хуторѣ, въ Харьковской губерніи... Есть еще и дядя Семенъ Петровичъ, но я не знаю, гдѣ онъ живетъ...

— Иди ко мнѣ играть!

Сережа приготовился перелѣзть черезъ заборъ. Она потянула его за руку.

— Прыгай сразу! сказала она. Не бойся!

Онъ прыгнулъ, но такъ неудачно, что о кусть разорвалъ себѣ штаны и всѣмъ тѣломъ повалился на клумбу герани. Дѣвочка вскрикнула, испугалась, и бросилась къ нему, чтобы ему помочь.

— Тышибъ себѣ колѣнку? сказала она.—У тебя разорваны штаны? Пойдемъ скорѣе въ домъ, я промою тебѣ ссадину, а няня заштопаетъ чулокъ!

Сережа послѣдовалъ за нею и очутился въ домѣ, который уже столько лѣтъ его интересовалъ. Она провела его въ небольшую комнату, гдѣ сидѣла ея няня.

— Няня, обратилась она къ ней.

— Вотъ этотъ мальчикъ упалъ и ушибъ себѣ колѣнку. Почини ему штаны.

Старушка посмотрѣла на Сережу, потомъ на его штаны.

— Мало ли здѣсь мальчишекъ, сказала она, — у которыхъ рваные панталоны? Всю деревню не починишь!

Дѣвочка нахмурилась.

— Онъ упалъ изъ за меня, сказала она, — а потому ты должна починить ему колѣнку. Онъ и безъ того расшибся!

Няня молча взяла иголку и нехотя принялась за починку. Было ясно, что она такъ любила дѣвочку, что не могла отказать ей ни въ чемъ.

— Пойдемъ, мальчикъ, играть! обратилась дѣвочка къ Сережѣ, когда штаны на колѣнкѣ были наконецъ зашиты.

Они пошли въ садъ, который огазался гораздо больше, чѣмъ предполагалъ Сережа, и она показала ему цвѣты. Затѣмъ они долго бѣгали вмѣстѣ и наконецъ ей захотѣлось пробѣжаться по берегу рѣки, который былъ виденъ черезъ заборъ.

— Пойдемъ къ рѣкѣ! предложила она.

— Пойдемте! отвѣтилъ онъ.

По дорогѣ онъ узналъ, что ее зовутъ Марусей, что она пріѣхала изъ Петербурга, гдѣ ея отецъ прочиталъ въ газетѣ, что этотъ домъ продается, и заглазно его купилъ. Она рассказала ему, что ея папа очень боленъ, все время кашляетъ и давно желалъ поселиться въ такихъ мѣстахъ, гдѣ теплая зима, близко къ Малороссіи и вообще хорошій климатъ. Сережа не ожидалъ, что въ его деревнѣ такой

хорошій климатъ, что имъ пріѣзжаютъ лечиться такъ издалека.

Къ полудню мальчикъ и дѣвочка были уже близкими друзьями, а затѣмъ Сережа сталъ ходить къ Марусѣ каждый день, но уже не черезъ заборъ, а черезъ калитку. Онъ относился къ дѣвочкѣ вполне по товарищески, но въ то-же время съ какимъ то непонятнымъ для него почтеніемъ, точно передъ большой, а она держала себя съ нимъ, какъ сестра, но въ то-же время была его и гувернанткой.

— Не надо сморкаться такъ громко! говорила она ему. — Это неприлично! Воспитанные мальчики не опускаютъ голову внизъ, когда съ ними разговариваютъ!

Это заставляло Сережу краснѣть, но онъ не возражалъ. Въ ея тонѣ было что-то такое повелительное, чего онъ не осмѣлился бы не исполнить.

— Какой ты неуклюжій!.. часто говорила она ему и при этомъ озабоченно оглядывала его со всѣхъ сторонъ.

— Нѣтъ, я умѣю лазать по деревьямъ, какъ-то отвѣтилъ онъ ей, — и умѣю ловить дроздовъ и синицъ!

Она закинула голову назадъ и звонко засмѣялась.

— Какой ты глупый!.. воскликнула она — Развѣ можно птицъ лишать свободы? Вѣдь это грѣхъ!

Одинъ разъ она сдѣлала озабоченное лицо и спросила его серьезно:—

— Ты еще не ходишь въ школу?

— Нѣтъ... отвѣтилъ онъ и покраснѣлъ.

— Почему-же ты не учишься? Какъ не хорошо быть лѣнтяемъ!

Онъ не зналъ, что отвѣтить.

— Но вѣдь ты тоже не ходишь въ школу! сказалъ онъ.

— За то папа каждое утро даетъ мнѣ уроки, отвѣтила она,—и я не могу весело играть, если онъ останется мною недоволенъ.

И дѣйствительно, нѣсколько разъ по утрамъ Сережа видѣлъ черезъ окно, какъ она что-нибудь писала и какъ около нея сидѣлъ ея отецъ и чему-то ее училъ.

— Ты долженъ учиться въ школѣ, какъ то сказала она Сережѣ вѣроятно тѣмъ же самымъ тономъ, какимъ говорилъ ей это отецъ.— Не побывавъ въ школѣ, впоследствии нельзя быть ни инженеромъ, ни докторомъ, ни учителемъ. Неученаго всѣ сторонятся.

— Да тебѣ-то что за дѣло? отгрызнулся онъ.— Пойдемъ лучше гулять!

— Нѣтъ, отвѣтила она съ тономъ рѣшительности въ голосѣ.— Мой папа не любитъ лѣнтыевъ!

И она повернулась къ нему спиной и ушла.

Онъ въ удивленіи остановился и поглядѣлъ ей вслѣдъ. Придя къ себѣ домой, онъ забрался почему-то въ сарайчикъ, сѣлъ около гусинаго гнѣзда и заплакалъ.

На слѣдующее утро онъ рѣшилъ вовсе не знаться съ Марусей.

„Пусть она читаетъ свои нравоученія кому-нибудь другому, а не мнѣ!“ подумалъ онъ и, заложивъ руки въ карманы, отправился гулять одинъ.

Стояла отличная погода и кругомъ пахло сѣномъ. Сережа пошелъ въ поле, гонялся тамъ за кузнечиками, ловилъ отъ нечего дѣлать жуковъ, а потомъ зашелъ въ лѣсъ. Здѣсь стояла тишина и только слышно было, какъ жужжали на-

сѣкомья, да щебетали птицы. Но ему было скучно одному безъ Маруси и онъ побрелъ къ себѣ назадъ.

По дорогѣ нужно было проходить мимо таинственного дома. У калитки стояла Маруся и разговаривала съ какой-то женщиной. Увидѣвъ Сережу, она весело поглядѣла на него и спросила:—

— Ты гдѣ былъ?

Ему захотѣлось вдругъ сказать ей что-нибудь неприятное.

— Ужъ, конечно, не въ школѣ! съ задоромъ отвѣтилъ онъ ей.

— Какой ты дуракъ!.. просто сказала она и вошла къ себѣ въ садъ.

Сережа печально и чувствуя стыдъ, пошелъ домой.

На слѣдующій день онъ сидѣлъ у себя во дворѣ, у сосѣдской стѣны, и копалъ отъ скуки ямки. Какъ вдругъ что-то легкое ударило его по головѣ. Это была вѣтка. Онъ поднялъ голову и увидалъ на заборѣ Марусю.

— Ты сердиться? спросила она.— Фу, какой нехорошій мальчикъ! Сейчасъ-же иди играть ко мнѣ!

Онъ хотѣлъ было отказаться, но вчерашняя скука пришла ему на умъ и онъ согласился. Она выбѣжала къ нему на встрѣчу.

— Чего ты сердиться? спросила она.

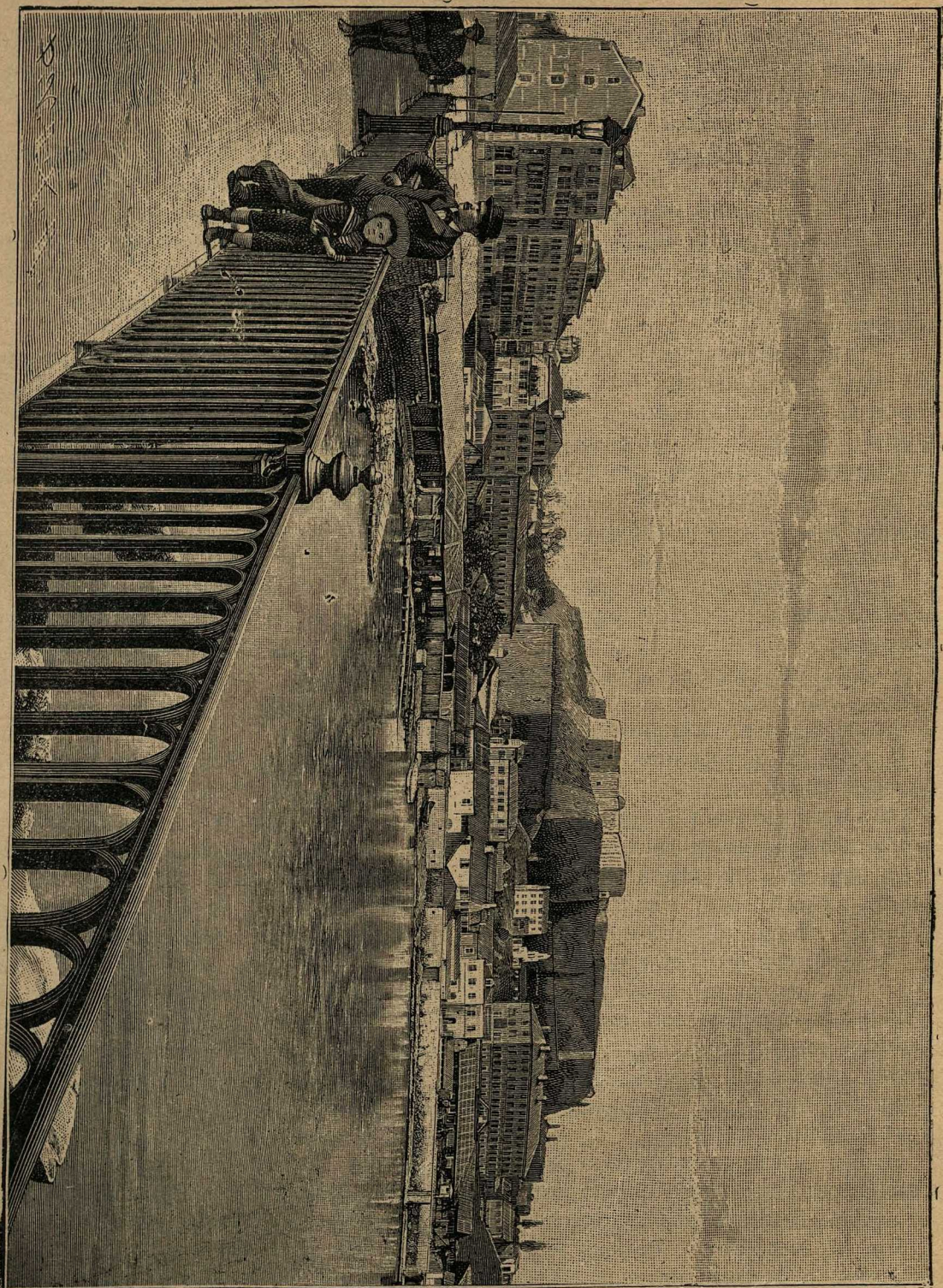
— Такъ... отвѣтилъ онъ.

— Пойдемъ со мною, на дворѣ такъ жарко!

Было дѣйствительно очень жарко, хотя и заходила туча. Они сѣли подъ дерево и долго молчали.

— Ты что дѣлалъ вчера? спросила она его наконецъ.

— Гулялъ въ полѣ и въ лѣсу... отвѣтилъ онъ.

На островъ Гюффу въ Гренци.

Спящая дѣвочка съ пуделемъ.

— А я все время училась. Папа сказалъ, что я знала урокъ хорошо.

И вдругъ совѣсть зашептала Сережѣ въ самыя уши:— „А вѣдь ты, братецъ, лѣнтяй.“ Онъ вздохнулъ и опустилъ глаза.

— Ты чего вздыхаешь? спросила его Маруся.

— Такъ... отвѣтилъ онъ ей.

Въ это время пронесся по всему саду вѣтеръ и капли дождя одна за другой полились на землю.

— Пошелъ дождь... сказала Маруся.— Пойдемъ въ домъ!

Сережа пошелъ вмѣстѣ съ нею въ домъ. Первая комната, въ которую они вошли, была обставлена кожаной мебелью, по стѣнамъ тянулись полки съ книгами и стояло много бронзовыхъ и мраморныхъ статуэтокъ. Это былъ кабинетъ отца Маруси.

— Давай смотришь картинки! обратилась къ Сережѣ Маруся.

Она достала съ полки книги въ такихъ изящныхъ переплетахъ, что ему страшно было до нихъ дотронуться. И покашелъ дождь и шумѣлъ вѣтеръ въ вѣтвяхъ деревьевъ, они забрались на широкой кожаный диванъ и, сидя рядышкомъ, разсматривали въ журналѣ картинки. И Сережѣ было совѣстно, что онъ не умѣлъ прочитать подъ ними подписей.

А дождь все шелъ и шелъ.

— А теперь пойдемъ къ папѣ, вдругъ предложила Маруся. — Онъ въ своей рабочей комнатѣ. Сидитъ и пишетъ.

Она ввела Сережу къ своему отцу. Онъ сидѣлъ за столомъ и голова его низко склонилась надъ бумагами. Онъ что-то внимательно читалъ. Сережа и раньше встрѣ-

чалъ его, когда онъ гулялъ по деревнѣ, и всегда лицо его казалось ему печальнымъ. Теперь-же, когда дѣти подошли къ нему и онъ поднялъ на нихъ глаза, то лицо его освѣтилось улыбкой.

— Такъ вотъ онъ твой пріятель! весело воскликнулъ отецъ. — Подойди-ка сюда, сорванецъ, я погляжу на твою рожицу!

Онъ взялъ Сережу двумя пальцами за подбородокъ и добродушно оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ.

— Что, папа, обратилась къ нему Маруся. — Онъ тебѣ нравится?

— Да, ничего себѣ, отвѣтилъ ей отецъ.— Хорошій мальчикъ!

Онъ посмотрѣлъ на Сережу такими ласковыми, почти нѣжными глазами, какими не смотрѣлъ на него еще никто.

— Говорятъ, что ты еще не грамотный, продолжалъ онъ. — Правда это?

Сережа не осмѣлился поднять на него глазъ. Тогда папа Маруси взялъ его обѣими руками за щеки и поднялъ его голову кверху.

— Ну, такъ слушай-же, мальчикъ, что я тебѣ скажу, обратился онъ къ Сережѣ.— Ты обязательно долженъ учиться. Тебѣ уже десять лѣтъ!

— Нѣтъ, еще девять... отвѣтилъ Сережа.

— Ну, это все равно. Ты будешь ходить ко мнѣ каждый день и я буду тебя учить. Ты кажешься мнѣ способнымъ и мы скоро наверстаемъ съ тобой потерянное время. Но только ты долженъ дѣлать это охотно!

Сережа общалъ и затѣмъ оба они, Маруся и онъ, какъ птички,

вылетѣли въ садъ. Дождикъ пересталъ и отъ деревьевъ шелъ свѣжій смолистый аромать. По дорожкѣ стояли лужицы, но въ общемъ можно было бѣгать и ихъ веселые крики еще долго раздавались по аллеямъ сада.

На слѣдующій день Сережа съ самаго утра, былъ уже у Маруси, сидѣлъ съ нею рядомъ и, наморщивъ лобъ, подъ руководствомъ ея отца, началъ свое ученіе. Онъ сталъ ходить туда затѣмъ каждый день. Когда прошли два мѣсяца, и наступилъ сентябрь, то онъ уже бѣгло читалъ и сравнительно хорошо писалъ.

Въ началѣ октября у Сережи неожиданно умерла тетка Авдотья Петровна. Это сразу-же измѣнило всю его жизнь. Приѣхалъ какой-то дальній родственникъ Егоръ Тимофѣевичъ и вступилъ во владѣніе всѣмъ имуществомъ, оставшимся послѣ покойной. Это былъ простой крестьянинъ, который самъ у себя пахалъ землю, самъ ковырялся въ огородѣ, и самъ возилъ въ поле навозъ. Получивъ наслѣдство отъ тетушки Авдотьи Петровны, онъ тотчасъ-же принялся въ немъ за хозяйство и въ домѣ сразу-же перемѣнились всѣ порядки. Всѣ въ домѣ заходили у него по струнѣ. Дошло дѣло и до Сережи.

— Ты еще долго будешь бездѣльничать? обратился къ нему Егоръ Тимофѣевичъ. — Растешь, какъ сорная трава. Я, братъ, этого не люблю! Я тебѣ не тетенька Авдотья!

Сережа стыдливо опустилъ глаза.

— Завтра же я отвезу тебя въ городъ! продолжалъ Егоръ Тимо-

фѣевичъ. — Чего даромъ терять время? Я не желаю, чтобы изъ тебя вышелъ лѣнтяй! Собери сегодня-же всѣ свои пожитки и я завтра-же отвезу тебя въ училище!

Въ училище! Для привыкшаго къ свободѣ Сережи это означало ссылку, въ которой онъ не увидитъ уже больше этихъ своихъ лѣсовъ, полей, этой рѣчки съ ея свѣтлыми струями. Въмѣсто ласковаго, нѣжнаго отношенія къ нему отца Маруси онъ встрѣтитъ тамъ строгихъ, равнодушныхъ учителей, для которыхъ онъ будетъ чужой. И онъ закрылъ лицо руками и бросился изъ дома вонъ. Онъ не помнилъ, какъ вышелъ онъ на улицу и какъ очутился вдругъ у дома своей сосѣдки. Маруся сидѣла со своимъ отцомъ у самовара, что-то ѣла, а ея отецъ что-то ей рассказывалъ и что-то чертилъ, что бы она лучше поняла.

— Что съ тобой, Сережа? спросила его Маруся, удивившись его неожиданному появленію. — За тобой кто нибудь гнался?

— Нѣтъ... отвѣтилъ онъ, глотая слезы. — Егоръ Тимофѣевичъ везетъ меня завтра въ городъ... Отдавать въ училище...

— Въ училище? Неужели?

Сережа рассказалъ имъ все.

— Это хорошо!.. сказалъ папа Маруси. — Теперь, значитъ, ты будешь настоящимъ человѣкомъ.

— А развѣ теперь я не человѣкъ? съ удивленіемъ спросилъ Сережа.

Папа улыбнулся и провелъ рукою по его волосамъ.

— Какъ ты наивенъ! сказалъ онъ. — Всякое знаніе дѣлаетъ человѣка еще болѣе человѣкомъ чѣмъ, онъ есть на самомъ дѣлѣ. Развѣ

ты похожъ на того уличнаго мальчишку, какимъ былъ полгоца назадъ?

Сереза и самъ сознавалъ это, но ему не хотѣлось разставаться съ Марусей и ея отцомъ, слезы душили его и онъ выбѣжалъ въ садъ и сталъ тамъ горько плакать.

На слѣдующій день, рано утромъ, его уже разбудилъ Егоръ Тимофѣевичъ. У крыльца стояла запряженная лошадь. Сереза выпилъ молока, поѣлъ, Егоръ Тимофѣевичъ приказалъ ему сѣсть въ телѣгу, усѣлся рядомъ съ нимъ и они отправились въ путь. Утро было свѣжее, морозное и всю дорогу Сереза дрожалъ. Они ѣхали два часа, остановились по дорогѣ на постояломъ дворѣ, чтобы покормить лошадь, и затѣмъ снова ѣхали до уѣзднаго города еще полтора часа. Но вотъ уже и уѣздный городъ. Виднѣются церкви, громадный острогъ и блестятъ на солнцѣ желѣзныя крыши. Вотъ и городское училище. Егоръ Тимофѣевичъ вводитъ Серезу въ пріемную, передаетъ его съ рукъ на руки инспектору и уѣзжаетъ обратно домой. Мрачныя стѣны училища, спертый душный воздухъ, рѣзкій голосъ инспектора и строгое отношеніе учителей какъ-то сразу производятъ на Серезу непріятное впечатлѣніе. Но проходитъ недѣля—другая, и онъ скоро осваивается со своей новой жизнью и начинаетъ даже радоваться, что имѣетъ право носить фуражку съ желтенькимъ металлическимъ значкомъ. Но его огорчаетъ только одно—это то, что онъ пересталъ видѣть тѣхъ, кого больше всего любилъ, т. е. Марусю и ея отца. Онъ думалъ о

нихъ, когда вставалъ по утрамъ и отправлялся въ классъ, думалъ о нихъ во время уроковъ и часто видѣлъ ихъ во снѣ. Онъ два раза имъ писалъ, но не получилъ отъ нихъ никакого отвѣта. Это безпокоило его и онъ только тѣмъ и жилъ, что считалъ по пальцамъ дни, которые оставались еще до Рождества, когда онъ снова ихъ увидитъ.

Но вотъ и Рождество. Съ радостнымъ нетерпѣніемъ Сереза ожидаетъ того часа, когда можно будетъ поѣхать домой. Теперь ужъ онъ поѣдетъ по желѣзной дорогѣ до первой станціи, а тамъ ужъ его встрѣтитъ на лошади Егоръ Тимофѣевичъ и повезетъ на санкахъ въ деревню. Входитъ инспекторъ, вручаетъ ему отмѣтки, и онъ отправляется въ дорогу. Онъ первый ученикъ... Какъ это неожиданно для него самого, еще годъ тому назадъ бывшаго совершенно безграмотнымъ! Теперь Егоръ Тимофѣевичъ будетъ имъ доволенъ и теперь Маруся уже не скажетъ ему, что онъ лѣнтяй.

Мимо оконъ вагона мелькаютъ телеграфныя столбы, тянутся пустынные, покрытыя снѣгомъ, поля и голые лѣса. Онъ смотритъ на нихъ и ему кажется, что дорога не кончится никогда. Но вотъ и станція. Сереза выходитъ изъ вагона и ищетъ глазами Егора Тимофѣевича. Его высокая фигура виднѣется вдали. Сереза бѣжитъ къ нему и прежде всего задаетъ ему вопросъ:—

— Ну, что Маруся? Какъ ея отецъ?

Егоръ Тимофѣевичъ отираетъ рукавамъ губы, цѣлуетъ его и равнодушно говоритъ:—

— Да ихъ уже нѣтъ у насъ съ Ноября!

Сереза чувствуетъ, какъ замираетъ у него сердце.

— А гдѣ-же они? спрашиваетъ онъ.

— Въ ноябрѣ ея отецъ расхворался и уѣхалъ въ Крымъ, а за его дѣвочкой пріѣзжала какая-то дама и увезла ее туда - же... Впрочемъ, Маруся прислала тебѣ письмо.

Эти слова поражаютъ Серезу, какъ громомъ.

Егоръ Тимофѣевичъ усаживаетъ Серезу въ санки, чмокаетъ губами и лошадь везетъ ихъ домой.

Всю дорогу они молчатъ. Сереза думаетъ о Марусѣ, старается объяснить себѣ, гдѣ она, но всѣ его догадки не веселятъ его и жизнь впереди кажется для него не интересной и угрюмой.

— Да ты небось скверно учился? нарушаетъ молчаніе Егоръ Тимофѣевичъ. — Боишься поглядѣть мнѣ въ глаза?

— Нѣтъ... едва имѣетъ силъ отвѣтить Сереза. — Я первый ученикъ...

Егоръ Тимофѣевичъ весело хлопываетъ его по плечу, а онъ кладетъ голову на ладони, а локтями упирается себѣ въ колѣнки и начинаетъ рыдать безъ конца...

Вотъ и деревня. Сереза бѣжитъ къ таинственному дому и съ нѣжностью начинаетъ на него смотрѣть. Но окна въ немъ уже заколочены, сквозь потерявшія листву деревья его крыша кажется еще краснѣе и въ когда-то пышномъ саду теперь такъ пусто и уныло, точно никогда уже не будетъ весны.

Сереза входитъ въ садъ. Вотъ то мѣсто, гдѣ онъ когда-то упалъ

съ забора и разорвалъ на колѣнкахъ штаны; вотъ та скамейка, на которой онъ и Маруся учили уроки, а вотъ и то окно, гдѣ всегда виднѣлась голова его дорогого, незабвеннаго второго отца.

И такъ кругомъ все пусто, пусто и такъ одиноко—одиноко на душѣ.

Опустивъ голову и глотая слезы. Сереза возвращается къ себѣ домой.

— Вотъ тебѣ письмо! говоритъ ему Егоръ Тимофѣевичъ и протягиваетъ къ нему запачканный и измятый конвертъ.

Сереза распечатываетъ его и читаетъ:—

„Милый Сереза, у меня очень заболѣлъ папа и уѣхалъ въ Крымъ; я теперь одна и меня увозятъ къ нему надолго. Увидимся-ли когда-нибудь еще? Я соскучилась по тебѣ. Прощай.

Твоя Маруся“.

Сереза чувствуетъ, какъ ему что-то подкатываетъ къ горлу, опускается на лавку и начинаетъ горько плакать.

— Ну, чего слюни распустилъ! кричитъ на него Егоръ Тимофѣевичъ.—Э, баба!

И, плонувъ, онъ выходитъ изъ комнаты. Сереза остается одинъ. Все кругомъ теряетъ для него интересъ и ему кажется, что почва выскользнула у него изъ подъ ногъ и что теперь онъ сталъ еще большимъ сиротой, чѣмъ былъ досихъ поръ.

Вечеромъ Егоръ Тимофѣевичъ ѣстъ щи и кашу, утирается рукавомъ и говоритъ:—

— Я получилъ отъ твоей тетки Марфы Петровны изъ Харьковской

губерніи письмо. Она пишетъ, чтобы я прислалъ тебя къ ней. Что-жь, я согласенъ. Ты для меня совсѣмъ чужой, а она тебѣ родная тетка. Она позаботится о тебѣ лучше, чѣмъ я. Къ тому-же я и не обязанъ...

Онъ наливаетъ себѣ другую тарелку и продолжаетъ:—

— Кромѣ того, у тебя есть въ Одессѣ богатый дяденька Семенъ Петровичъ. Вы-бы обратились къ нему... А я вѣдь не обязанъ... У меня есть своя семья...

Онъ кончаетъ ужинъ, молится на образъ, и уходитъ спать. Сережа остается одинъ и еще долго думаетъ о Марусѣ и объ ея отцѣ. Гдѣ-то они теперь? Помнить-ли еще она о немъ? Напишетъ-ли она ему свой точный адресъ? Вернется-ли когда-нибудь опять въ эти мѣста?

Наступаетъ Рождество, но оно кажется длиннымъ, скучнымъ и Сережѣ хочется куда-нибудь уѣхать чтобы не видѣть этихъ мѣстъ, которыя такъ краснорѣчиво напоминаютъ ему о быломъ и о тѣхъ, кто отнесся къ нему искреннѣе и роднѣе, чѣмъ кто-либо на свѣтѣ.

И вдругъ, подъ самое Крещеніе возвращается съ водосвятія Егоръ Тимофѣевичъ и говоритъ:—

— Сергѣй, укладывай свои книжки и тетрадки. Завтра ты поѣдешь

къ своей теткѣ Марфѣ Петровнѣ на хуторъ. Тебѣ нечего здѣсь дѣлать. Пуцай ужъ она распоряжается тобою, какъ хочетъ! Ты-ея племянникъ и крестникъ, а мнѣ ты совсѣмъ чужой...

— А съ кѣмъ-же я поѣду? спрашиваетъ Сережа.

— Здѣсь есть оказія... Я встрѣтилъ сейчасъ въ церкви пріѣхавшую оттуда женщину... Она завтра возвращается домой и завезетъ тебя кстати къ теткѣ на хуторъ.

— А какъ-же училище?

Егоръ Тимофѣевичъ махнулъ рукой.

— Ужъ это какъ вы сами знаете, такъ и сдѣлайте! сказалъ онъ.— Мнѣ не до васъ! У меня своя семья есть.

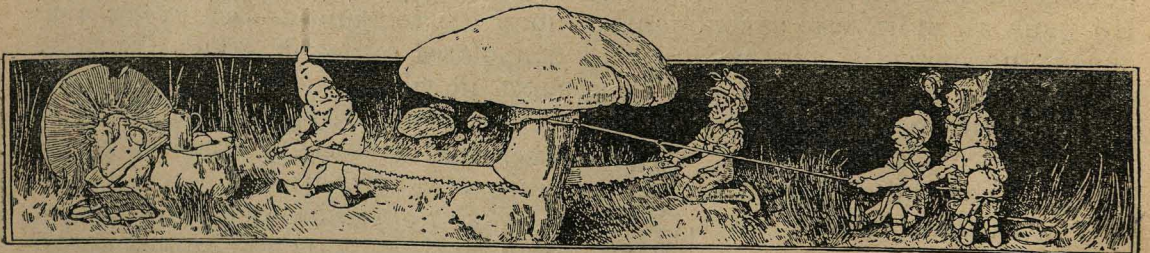
И онъ вышелъ изъ комнаты. Сережѣ было больно, что его считали здѣсь чужимъ, и въ то-же время было пріятно, что онъ поѣдетъ завтра такъ далеко, за полтора верста, къ той самой теткѣ, о которой онъ такъ много слышалъ и къ которой его хотѣла послать еще покойная Авдотья Петровна.

И онъ торопливо сталъ укладывать свои вещи.

Спускались зимніе сумерки и слышно было, какъ за стѣною, подъ ногами прохожихъ, звонко хрустѣлъ снѣгъ.

М. Б-скій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Задуманы три слова:

- 1) Зимній экипажъ.
- 2) То, что окружаетъ деревню.
- 3) Струнный музыкальный инструментъ.

Изъ первыхъ слоговъ этихъ трехъ словъ составить новое слово, означающее обувь.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

II.

Задуманы три слова, но не дано имъ окончаній:

- 1) Вино.... = фруктъ, растущій на югъ.
- 2) Стра.... = африканская птица.
- 3) Плот.... = рабочій, добывающій себѣ хлѣбъ топоромъ и долотомъ.

Найти окончанія этихъ словъ и составить изъ этихъ окончаній новое слово, означающее предметъ, по которому узнаютъ холодъ и тепло.

III.

Задуманы два слова, означающія:

- 1) Принадлежность ступки.
- 2) Часть полка.

Если оба эти слова поставить рядомъ, то получится не особенно пріятное сочетаніе яркихъ цвѣтовъ.

Какое это новое слово?

IV.

Названія какихъ деревьевъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

- 1) При подъемѣ на гору обѣ оси на нашей телѣгѣ сломались.

- 2) Рыбаки сидѣли на берегу и варили кашу.

- 3) Задулъ вѣтеръ и отъ ряби на водѣ озеро стало сѣрымъ.

- 4) Его разбудили такъ неосторожно, что онъ со сна не могъ сказать слова.

- 5) Къ намъ на ярмарку пріѣхала карусель.

- 6) Наша бабушка часто пользуется минеральными водами.

V.

Почему верхомъ на палочкѣ нельзя перелетѣть черезъ океанъ?

VI.

Бывали ль вы когда нибудь въ вашей квартирѣ?

VII.

Слово состоитъ изъ десяти буквъ: 1. 2. 3. 4. 5. 6. 7. 8. 9. 10. буквы 4. 7. 2. 10 означаютъ принадлежность мяса, 6. 8. 7. 5—напитокъ, 1. 7. 8. 4. 7. 8. 9. 10 — любителя книгъ, 7. 5. 4. 10 — инструментъ, необходимый въ кухнѣ и за столомъ, 2. 3. 7. 5. 9. 10 — базаръ.

Отгадать всѣ эти слова и задуманное слово, которое означаетъ ягодный кустарникъ.

VIII.

Какъ называется та ягода, три послѣднія слога названія которой составляютъ то, что для насъ милѣе всего?

IX.

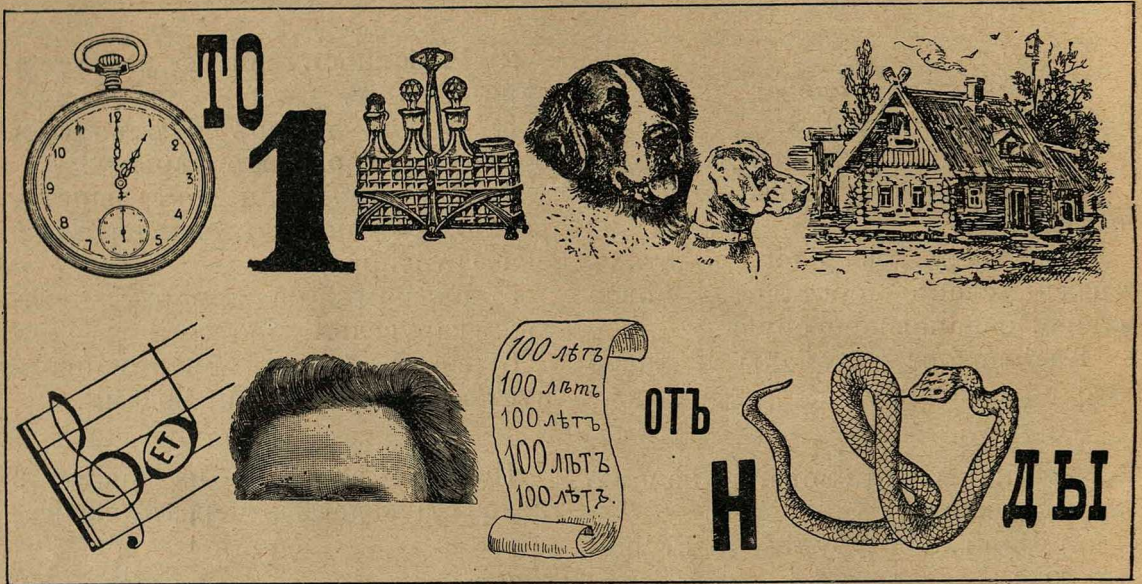
Три, да три, да три—что будетъ?

X.

Два отца, два сына, дѣдушка и внучекъ съѣли по одному яйцу. Сколько яицъ они съѣли?

Ребусъ № 1.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ ребусъ или головоломки, будутъ напечатаны).

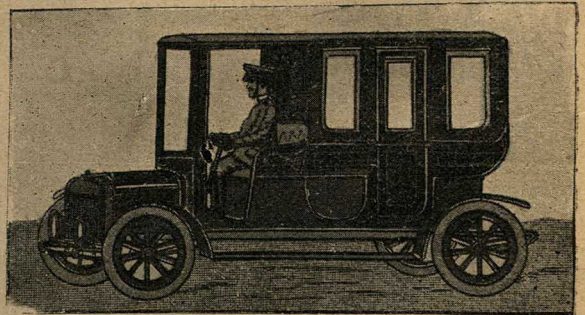
Рѣшеніе головоломокъ и ребуса № 23, помѣщеннаго въ № 23 «Золотого Дѣтства».

Головоломки: I. Воронъ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру. II., тополь, сто, вата, пальто, постель, сталь, оспа = Севастополь. III., тараканъ, улей, лимонъ, арбузъ = Тула IV., По волнамъ. V., . . . гвозди + ка (гвоздика), . . . ро + за (роза), . . . ли + лія = (лилія), и + рисъ (ирисъ), . . . астра. VI., По воздуху. VII., Вдвое меньше, чѣмъ ушей. VIII., Тотъ, у кого были самыя большія руки.

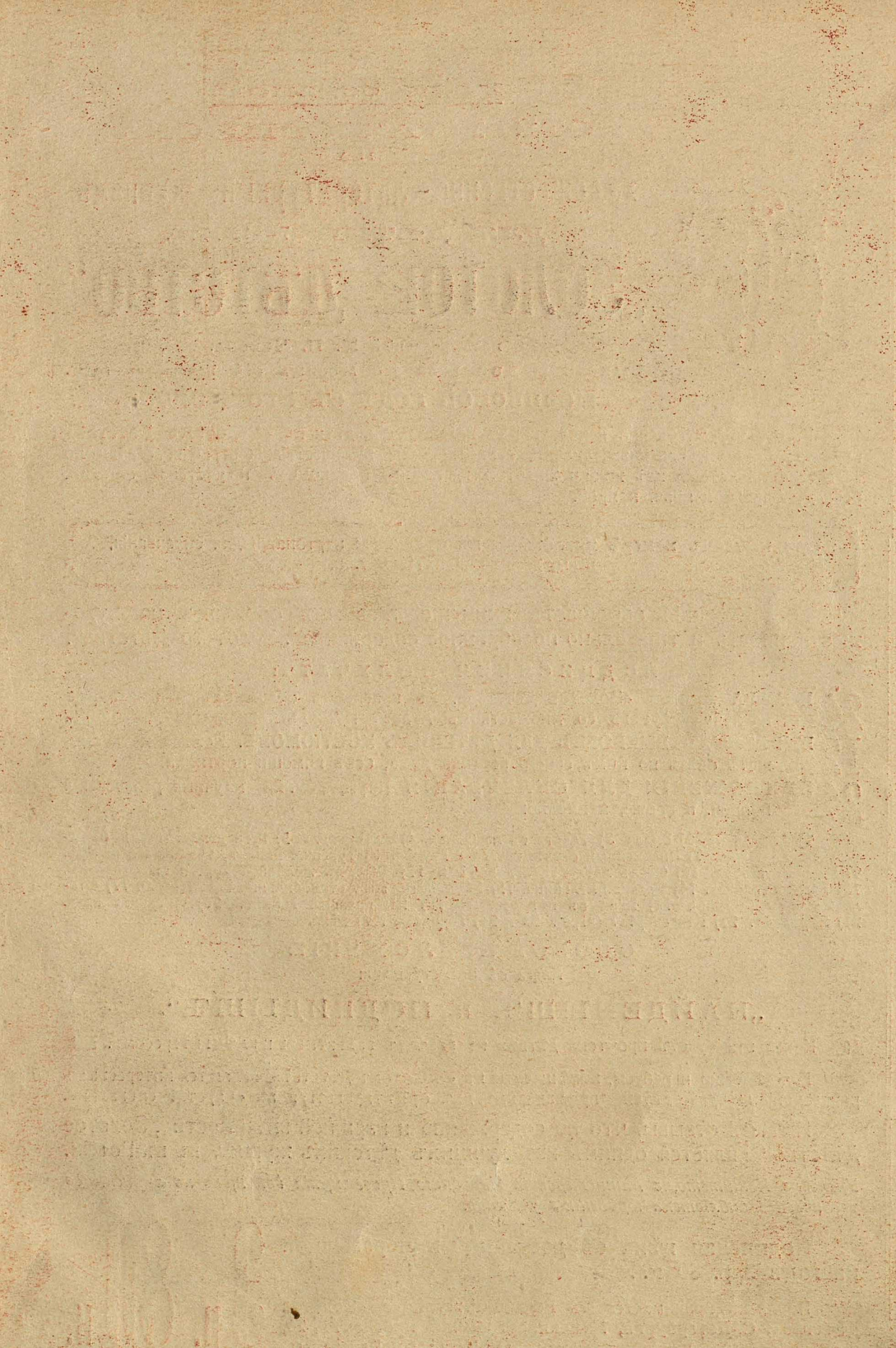
Ребусъ № 23. Дѣв + очки + не + усъ + п + + ели + со + бра + ть + грибы + какъ + на + + сту + пила + г + роза = Дѣвочки не успѣли собрать грибы, какъ наступила гроза.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Эльза Шрейбертъ, Лиза, Вува и Толя Фаасъ, Олегъ Боголюбскій, Валя Иванова, Соня Гребинская, Коля Краузь, Вѣруся Климова, Гриша Цебро, Лида и Шура Пашенко, Павелъ Цукерманъ, Мура Гапѣва, Нина Гонжалова, Миша Данковъ, Катруся Опешко, Таня Жемерова, Коля Рыхляковъ, Лея Тарсанова, Симочка Славницкій, Сережа Тушканчикъ, Миля Ханжа, Шура Москаленко, Толя и Коля Туръ, Олегъ Кашкаровъ, Женя Стрекоза, Колокольчикъ-даръ-Валдая, Коля Василевъ въ СПБ., Оля, Женя, Зина и Жоржикъ Чулкевичи, Валя Рожаловская, Юсъ Маленькій, Оля и Лида изъ Звенигородки, Надя Архангельская, Любочка Ковалева, Наташа Вальгисъ съ мамой, Кея—Рыжикъ, Рома—Соломинка, Кира Попочка, Шуручка—арбузикъ, Миша—Маляръ, Боря—Обойчикъ, Варя Наумова въ

СПБ. Евгений Кравцовъ, Зина и Сережа Надѣй, Лена Короткова, Жоржикъ и Люся Бикъ, Станиславъ Маркевичъ, Эммугольскомъ Баишева, Красный Чертикъ, Коля Бергъ, Вѣляя Лавія, Нина Иванова изъ Горшечнаго, Нина Тиканадзе, Павелъ и Евгений Малишевскіе, Ируня Николаева изъ Лозанны (Швейцарія), Ляля Сикорская, Нюта Тросницкая, Роза Гольбрейхъ, Женя Ямпольскій, Вѣра Семевская, Чира Семевская, Вадя и Шуна Кардашевичи, Митя Сорокинъ, Веніаминъ Бурштейнъ, Лева Ивановъ, Жина, Лаля и Вѣруся Дадькины, Воля и Галя Полуяновы, Саша, Лиза и Ежикъ Таховичъ, Коля и Пая Трофимовы, Михайль и Павелъ Туленковы, Женя Файнбергъ.

Модель приложенія къ этому номеру (автомобиль).

Годъ седьмой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА

художественно-литературный журналъ
ДЛЯ ДѢТЕЙ (7—12 лѣтъ).

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

подъ редакціей **М. П. Чехова.**

Выходитъ два раза въ мѣсяць (24 номера въ годъ).

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Кромѣ художественно исполненныхъ иллюстрацій, дѣти въ «Золотомъ Дѣтствѣ» найдутъ: повѣсти, рассказы, сказки, стихотворенія, путешествія, біографіи, статьи по естественной исторіи изъ жизни животныхъ, птицъ, насѣкомыхъ и растений, загадки, ребусы, шарады и проч. и проч.

При каждомъ номерѣ приложенія въ краскахъ: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе „Золотого Дѣтства“.

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
12 **ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ ДЛЯ ДѢТСКИХЪ КОСТЮМОВЪ.** Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.
24 **ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ** (игры, домики, научныя развлеченія и проч. и проч.), а именно:

1) Аэропланъ. 2) Вилла. 3) Телѣга съ лошадкой. 4) Автомобиль. 5) Гуси домой! (игра). 6) Деревенская усадьба. 7) Письменный столъ, кресло и стулья. 8) Турецкій диванъ, тумбочка и шкафъ. 9) Русская тройка. 10) Осель летаетъ! (игра). 11 и 12) Вокзалъ желѣзной дороги съ поѣздомъ. 13) Вагонъ трамвая. 14) Водяная мельница. 15) Шарабанъ. 16) Автомобильныя гонки (игра). 17) Столовые часы (модель). 18) Игра въ путешествіе. 19) Швейцарскій домикъ. 20) Античная ваза. 21) Пароходъ. 22) Кто скорѣе? (игра). 23 и 24) Городокъ XVI вѣка.

ОСОБОЕ ПРИЛОЖЕНІЕ:

Книга съ иллюстраціями:

„НАЙДЕНЫШЪ И ПОДКИДЫШЪ“.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми не разъ съ захватывающимъ интересомъ.

Головоломки и ребусы, помѣщаемые въ «Золотомъ Дѣтствѣ», являются интереснымъ развлеченіемъ для дѣтей, приучающимъ ихъ ориентироваться въ «царствѣ смекалки».

Имѣемъ отзывы, что по содержанію и изящной внѣшности „Золотое Дѣтство“ является однимъ изъ лучшихъ дѣтскихъ журналовъ въ Россіи.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущены къ выпискѣ въ ученическія бібліотеки юродскихъ училищъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26, и въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Москвы и Петербурга.

3 р. 80 к.

ПОДПИСНОЙ ГОДЪ СЪ 1-ГО НОЯБРЯ